

Илья Шумей

ПРАВО
ПОСЛЕДНЕЙ
ОХОТЫ

Илья Александрович Шумей
Право последней охоты
Серия «Игры в чужой
песочнице», книга 3

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41722949

Право последней охоты: Accent Graphics Communications; Montreal; 2018

ISBN 978-1-77192-456-6

Аннотация

Легенды и мифы Галактики населены несметными ордами чудовищ, и самое жуткое из них – Эрамонт, призрачный ящер с Пракуса, обитающий в Мире Мертвых и питающийся душами поверженных врагов. Монстр, увидеть которого возможно лишь в свете вспышки молнии. Верный слуга самой Смерти.

И когда Игану, лучшему из профессиональных Звероловов, поступило абсурдное предложение изловить это исчадие ада, ему следовало покрутить пальцем у виска и прямо с порога отправить просителя восвояси. Однако, вопреки всем доводам разума, он принял вызов.

Ведь пятнадцать лет назад Иган уже сталкивался с Эрамонтом лицом к лицу, и та памятная встреча стоила ему жизни...

Содержание

Часть 1 – Очень холодное оружие	4
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Илья Александрович Шумей

Право последней охоты

Часть 1 – Очень холодное оружие

Мокрые ветви нещадно хлестали по лицу, а узловатые корни так и норовили уцепиться за ноги, которые, словно обретя собственные глаза, ловко перепрыгивали через ямы, камни и поваленные деревья. Капюшон снова соскользнул назад, и промозглая морось сыпалась за воротник, ледяными струйками сбегая по разгоряченной спине. Отсветы царапающих небо молний выхватывали из полумрака коротко стриженные светлые волосы, дождевые капли, застрявшие в покрывающей щеки щетине и глубоко посаженные цепкие глаза, всматривающиеся в зеленоватый туман. В ушах гулко бухало сердце, но, заглушая его, в них еще стояло эхо чье-то отчаянного крика.

– База, это третий, база, вызывает третий, ответьте! – человек перешел на шаг, подняв руку к уху и вслушиваясь в шум радиопомех, – третий вызывает базу!

Ответом был только шелест дождя, смешивающийся с трескучим шепотом эфира.

– Общий вызов! Общий вызов! Вызывает третий, ответьте!

Молчание.

– Черт! – человек вскинул винтовку к плечу и снова побежал, пристально обшаривая взглядом окружающий лес и ловя глазами каждое подозрительное движение. По голове и плечам забарабанили крупные капли начавшегося ливня, а предрассветные сумерки сгустились так, будто день сегодня решил сразу смениться ночью, даже не успев толком начаться.

До лагеря оставалось около полукилометра, когда человек резко остановился, к чему-то прислушиваясь. Так и есть! Кто-то двигался ему навстречу, причем, не особо беспокоясь быть замеченным. Треск ломаемых веток и тяжелое захлебывающееся дыхание далеко разносились по затянутому сырой мглой лесу. Определив направление, человек пригнулся и беззвучно растворился в изумрудной листве.

Впереди, между деревьями мелькнул грузный силуэт в камуфляжной куртке. Человек прищурился и, тихо выругавшись, вышел из-за дерева.

– Лемех!..

Только благодаря отменной реакции, он успел выбросить вперед руку и отвести в сторону наведенный на него ствол.

– Лемех, это я!!!

С шумным вздохом облегчения беглец уронил руки и почти повалился на товарища.

– Иган? Ты? Ты где был? – слова с трудом прорывались сквозь тяжелое, с присвистом, сопение.

Тот, кого называли Иганом, отстранил его от себя и бегло осмотрел. Спутавшиеся, облепившие лицо мокрые волосы, перепачканный в грязи комбинезон, и бегающий по сторонам, испуганный взгляд голубых глаз – чтобы довести бывшего Лемеха до такого состояния, требовалось что-то действительно экстраординарное.

– Я патрулировал свой сектор, а вот что здесь делаешь ты, Лемех? Что там случилось? Кто стрелял?

– Они все мертвы! Все!

– Кто все?

– Все! Лагерь уничтожен! Нам всем крышка! – было странно слышать в голосе здорового мужика откровенно хнычущие нотки.

– ЧТО СЛУЧИЛОСЬ!? – Иган обхватил Лемеха за плечи и крепко встряхнул. Но даже сквозь толстую утепленную куртку он почувствовал, что тот весь дрожит.

– Я не знаю, Иган, клянусь, – взгляд Лемеха, наконец, сфокусировался на собеседнике, – но они все мертвы.

– Каким образом!? Кто их убил!? Когда!?

– Понятия не имею, я услышал по рации крики и выстрелы и побежал выяснять, в чем дело.

– И что?

– На дороге я встретил Свешника, и дальше мы пошли вместе. На подходе к лагерю он оставил меня прикрывать, а

сам двинулся вперед один.

– Что с лагерем?

– Он уничтожен! – Лемех, то и дело оглядываясь по сторонам, переминался с ноги на ногу, как будто ему нестерпимо приспичило в туалет, – Я близко не подходил, видел только разорванные палатки и втоптаный в землю джип.

– Как это, «втоптаный»?

– А так! Будто на нем великан какой-то скакал, – вспышка молнии расчертила тенями искаженное от страха лицо, – Я понятия не имею, что там произошло!

– Ладно, рассказывай дальше, только быстро.

– Я не знаю, что случилось потом... – Лемех снова начал поскуливать.

– В смысле? – продолжал наседавать на него Иган.

– То есть, я... я что-то видел, но не могу это объяснить...

– Хватит, не томи! Что ты видел?

– Там, за дождем и в тумане было не очень хорошо видно, но Свешник вдруг что-то крикнул и открыл огонь.

– В кого он стрелял?

– Не знаю, я никого не видел... – Лемех умолк.

– Ну?

– А потом...

– Что!? Что потом? – каждое следующее слово приходилось вытаскивать из несчастного чуть ли не клещами.

– Потом он... развалился.

– ??? – Иган и сам запнулся, подыскивая слова.

– Проклятье!!! – взорвался Лемех, – я никогда не видел ничего подобного, хотя повидал на своем веку всякое! На моих глазах люди подрывались на минах, их разрывало пулями из крупнокалиберного пулемета, при мне человека загрызла разъяренная львица, но тут...

– Так что же все-таки случилось со Свешником? Ты расскажешь или нет!?

– Он просто развалился на части, как разрезаемая на чипсы картофелина из рекламного ролика. Вот стоит человек, и бац – россыпь падающих в грязь ломтиков. Ни криков, ни хруста костей, ни моря крови, – Лемех посмотрел Игану в глаза, – только колыхание тумана и тишина. И тут мне вдруг стало так жутко, что я развернулся и просто побежал, не разбирая дороги. Неважно куда, лишь бы подальше от того места.

– Почему ты не отвечал? Я сделал общий вызов!

– Я? – Лемех схватился рукой за ухо, – вот черт! Я гарнитуру где-то посеял.

– Идиот! – Иган перехватил винтовку, – ладно, пошли.

– Куда?

– Обратно в лагерь. Надо же разобраться, что там стряслось!

– Нет-нет! – Лемех попятился и замахал руками, – я туда ни ногой! Даже не уговаривай!

– Обеспечение безопасности Охоты – наша обязанность!

– Иган, ты что, оглох? Они все мертвы! Охота окончена.

Нам надо поскорее убираться отсюда.

– Возможно, кто-то еще жив, мы должны им помочь!

– Только без меня, мне моя шкура дороже.

– Вот как? – в голосе Игана зазвенел металл.

– Да, вот так! – Лемех сделал еще шаг назад, – ты не видел того, что видел я. Там нам делать нечего. В конце концов, в контракте есть пункт, где говорится, что в случае невозможности продолжать двигаться вместе с группой, человек должен самостоятельно выбираться в пункт сбора и, если необходимо, вызывать эвакуацию. Именно это я и собираюсь сделать.

– А как же группа?

– Опомнись, Иган! Группы больше нет!

– Лемех, прекрати истерику! – рявкнул тот в ответ, – здесь на несколько километров вокруг нет никого крупнее зайца, никого и ничего, что могло сотворить все то, что ты рассказываешь! Меня всерьез беспокоят лишь две возможности: либо нагрянувшие легавые, либо наймиты, присланные за кем-то из наших клиентов. И те, и другие – люди из плоти и крови, с которыми, если потребуется, мы вполне способны поговорить по душам. Пошли уже!

– Люди?! Черта с два! – лицо Лемеха перекосило судорогой, – при виде людей, даже вооруженных до зубов, так не кричат. Ты же сам слышал! Разве нет?

Иган на секунду задумался. В его простой и понятной схеме и в самом деле присутствовал ряд нестыковок, начиная

с так и не подавшей голоса многоуровневой системы охраны периметра и заканчивая до смерти перепуганным Лемехом, которого он знал уже не первый год. Человека, когда-то в одиночку совершавшего отчаянные диверсионные рейды, было крайне непросто довести до состояния, столь близкого к панике.

– У тебя есть какие-нибудь предположения?

– Я... я думаю... – того снова затрясло, – мне кажется, что это... ОН.

– Кто!?

– Только не называй его! – умоляюще воскликнул Лемех, озираясь по сторонам.

– Кто, «ОН»? Ты можешь выразиться яснее!?

– Помнишь, о чем мы говорили вчера вечером у костра? Песни всякие распевали... Сенатор Парчин даже тост предложил, помнишь?

– Про...

– Не называй!!! – почти взвизгнул Лемех и, подскочив к Игану, зажал ему рот грязной, пахнувшей перепрелой ладонью.

– Ну, знаешь... – протянул Иган, высвободившись из его объятий, – сколько же ты вчера выпил?

– Ты хотел знать мое мнение – я его высказал! Думай что хочешь, делай что хочешь, а я сваливаю! Немедленно!

– Никуда ты не пойдешь! Ты меня слышишь!? А будешь еще ныть, я тебя... что это?

Они оба застыли, сквозь шум дождя прислушиваясь к приближающемуся звуку.

– Это машина! Ребята возвращаются!

– Возвращаются? Откуда?

– Моха и Парчин ездили силки проверять.

– Почему я об этом ничего не знаю!?

– Это же недолго – одна нога здесь, другая там...

– Придурки! – Иган сорвался с места, – погнали! Мы должны их перехватить!

Двое мужчин помчались через лес в сторону дороги, стремясь опередить мчащийся джип. Гудение мотора быстро приближалось, впереди, между деревьев, промелькнул свет фар.

– Лемех, поднажми!

Неожиданно, с интервалом примерно в секунду, раздались два громких глухих удара, послышался чей-то короткий и тут же оборвавшийся крик и звон разбитого стекла. Огонек дернулся и исчез. Иган резко остановился, и Лемех чуть не налетел на него.

– Что это было? – нахмурился Иган, и тут же, словно в ответ на его вопрос, над их головами раздался оглушительный треск и скрежет.

Ломая ветки, в туче щепок и сорванных листьев, искореженный джип рухнул на землю в нескольких метрах перед ними, застыв бесформенной грудой металла и поскрипывая задранном вверх единственным уцелевшим колесом.

В развороченном боку машины зияли три глубоких разреза, рассекавших кузов почти напополам. Ярко-красные струйки крови смешивались с бурым электролитом, вытекающим из аккумуляторов и, подгоняемые потоками дождя, с тихим журчанием сбегали по заляпанному грязью днищу. Тишину нарушал только шелест сыплющихся сверху листьев и жалобное поскуливание включившейся сигнализации...

...которое заметалось, задергалось, словно пытаюсь высвободиться, заскользило в сторону, съеживаясь и мельчая.

Иган открыл глаза и уставился на ерзающий по тумбочке телефон, постепенно приходя в себя. Это был сон. Всего лишь сон. Уже в который раз он возвращается к нему, снова и снова заставляя мокрые от пота простыни обматывать тело липкой смирительной рубашкой. Вот и сегодня, спустя столько лет...

Телефон не унимался. Кто бы это мог быть? Который час? За окном уже светло... или еще светло? Какой, вообще, сегодня день недели? Иган протянул руку и взял трубку.

– Алло?... Да, это я... Привет!.. Что!? Когда!?!... Так, понятно. Ничего не предпринимайте, я буду через пятнадцать минут!.. Поторопиться? Ладно, постараюсь через четырнадцать, только не забудь ворота открыть, а то опять снесу, – он дал отбой и в сердцах зашвырнул трубку в дальний угол комнаты.

Проклятье!

Иган ураганом пронесся по квартире, на бегу натягивая на себя штаны и водолазку... Он старался поддерживать в порядке свои рабочие инструменты, поэтому сборы заняли считанные секунды. Побросав в рюкзак нужное снаряжение и плеснув напоследок в рот воды из чайника, он сбежал в гараж.

Пока ворота с нарочитой медлительностью ползли вверх, Иган вынул из бумажника запечатанную в прозрачную пленку пластиковую карточку. Каждый такой срочный вызов обходился в кругленькую сумму и стоил немалых хлопот, а эта «индальгенция» была у него последней. Но, если сегодня все сложится удачно, можно будет завести сразу несколько новых. Оставалось надеяться, что оно того стоило.

Сорвав с карточки пленку, Иган приложил к кружку в центре указательный палец, после чего вогнал пластиковый прямоугольник с оставленным отпечатком в приемник на приборной панели своего мотоцикла. Через пару секунд на экране зажглась надпись: «Приоритет подтвержден, квота – 10 минут».

Проигнорировав подъездную дорожку, мотоцикл взрыл колесами нестриженный газон, подпрыгнул на клумбе с засохшими цветами, перемахнул через живую изгородь и, лязгнув рессорами, приземлился прямо посреди автострады. Шины коротко взвизгнули, когда Иган, почти положив машину набок, прошмыгнул в нескольких сантиметрах перед бампером какого-то фургона и помчался по шоссе, набирая скорость и

оглашая окрестности воем сирены. Остальные машины, контролируемые законопослушными автопилотами, словно перепуганные наседки бросались перед ним врассыпную. Рев мотора перешел в визг, который все дальше уходил в область ультразвука. Придорожные деревья, постройки и застывшие манекенами пешеходы – все слилось в одно сплошное размытое пятно.

Приятно, что ни говори, осознавать, что сегодня тебе на дороге позволено все. Пусть даже только на десять минут.

Синие маячки в последний раз мигнули в тот самый момент, когда Иган подъезжал ко входу в зоопарк, лавируя между припаркованными автомобилями. Сирена замолкла, оставив после себя в ушах ощущение легкой оглушенности. Дежуривший на входе охранник в последний миг успел нажать на кнопку, разрешающую проход, и Иган, вздыбив мотоцикл на заднее колесо, прямо на нем проехал через турникет под красочной вывеской «Зоопланета».

Из здания проходной ему навстречу выбежал маленький щуплый человечек, своей внешностью и движениями неуловимо напоминающий крысу в пиджаке. Худое бледное лицо с постоянно чуть задранном кверху, словно приплюснутым носом, и маленькие темные глазки, сверкающие из-под тонких седоватых бровей – подобный облик не вызывал особого расположения у постороннего, но те, кто хорошо знал Кукса, без колебаний доверили бы ему собственную жизнь. Иган никак не мог запомнить, какую должность занимает он

среди персонала зоопарка, но, скорее всего, она звучала как «Специалист по неприятностям».

Стоило только наметиться какой-либо проблеме, будь то непонятная болезнь одного из питомцев или неожиданная проверка из Комитета по Правам Животных, как в коридорах административного корпуса неизменно раздавался истошный вопль: «Ку-у-укс!», почти сразу же за которым откуда-то из-за спины слышалось негромкое: «Что случилось?». При появлении Кукса на месте событий более высокопоставленные сотрудники, как и подобает жидкости в сообщающихся сосудах, немедленно рассредоточивались по другим помещениям, оставляя его с проблемой наедине. И он, пробормотав свое неизменно-невнятное «Посмотрим, посмотрим», приступал к ее решению.

– Привет! – поздоровался Иган, сняв шлем и повесив его на руль.

– Привет. Пошли, – не тратя времени понапрасну, Кукс развернулся и засеменял по дорожке. Иган подхватил свой рюкзак и поспешил следом.

– Докладывай.

– Сегодня утром, около десяти часов, Роман, один из наших сотрудников, как обычно пошел кормить Онарйского Леопарда, – начал рассказывать Кукс, не сбавляя хода, – он уже давно здесь работает, не в первый раз. Поставил ему таз с едой и начал убираться в вольере. Неожиданно Онариец начал реветь и кататься по земле, а когда Роман к нему при-

близился, чтобы выяснить, в чем дело, тот на него набросился.

Следуя кратчайшим путем, Кукс нырнул в неприметную подсобную дверь, и они почти побежали по сумрачным коридорам технических помещений мимо установок водоподготовки, вечно шипящих баллонов с различными газами и опутанных разноцветными шлангами задних стен барокамер.

– Он пытался хоть как-то отбиться, убежать, – слова гулким эхом отдавались под низким железным потолком, – куда там! Что может безоружная лысая обезьяна против профессионального хищника! Ну, кроме тебя, разумеется.

– Что-то было не так с кормежкой, – высказал предположение Иган.

– Я тоже так думаю, но с эти мы разберемся попозже.

– Онариец задрал его насмерть?

– Нет, не успел. Цапнул пару раз, потом заревел как безумный и стал метаться по вольеру. С дерева на решетку, с решетки на землю. Лишь недавно затих.

– Где он сейчас и чем занимается?

– Не знаю, его не видно. Он где-то в ветвях прячется.

Лязгнув очередной дверью, Кукс вновь вывел Игана на солнечный свет. После темных коридоров пришлось даже прикрыть глаза рукой.

– Извините... позвольте пройти... будьте любезны... разрешите Вас побеспокоить... – Кукс, схватив Игана за рукав,

волочил его за собой, подобно горнолыжнику скользя между толпящимися посетителями.

Взгляды большинства из них были устремлены в сторону расположенного в небольшой низине, как в амфитеатре, просторного вольера. В позах людей, в их жестах, интонациях их голосов чувствовалось волнение и беспокойство. Но, несмотря на доносящиеся из мегафона хриплые призывы разойтись и не мешать работе сотрудников зоопарка, уходить никто не торопился. Бросив взгляд поверх моря людских голов, Иган увидел распростертое на покрытом темными пятнами песке неподвижное тело, и в ту же секунду Кукс дернул его за рукав, увлекая в очередной, одному ему известный тайный лаз.

– Что вы предприняли? – продолжил расспросы Иган.

– Я позвонил тебе, а Анатоль вызвал спасателей.

– Анатоль? Кто это?

– Наш пресс-секретарь. Кретин редкостный. Вечно мнит себя чем-то большим, нежели является в действительности.

– Увы, мы все этим страдаем. Но с какой стати он тут распоряжается? – удивился Иган, – где остальное руководство?

– У них какие-то важные гости, – Кукс не удержался и хихикнул, – а тут, надо же, такая незадача!..

Выглянув из-за угла здания, он жестом велел Игану остановиться.

– Вон он, видишь? – он указал ему на начинающего лысеть мужчину в дорогом темном костюме, который среди группы

рабочих в халатах и спецовках выглядел как ворона в стае попугаев.

– Ну?

– Так вот, – Кукс повернулся к Игану, – как я уже говорил, он – идиот. Постоянно хочет, чтобы все делалось в точности так, как скажет он, но, при этом, совершенно не способен самостоятельно принять хоть мало-мальски ответственное решение. Должность пресс-секретаря особой самостоятельности и не предполагает.

– Почему же его бросили на эту амбразуру?

– Босс прекрасно понимал, что я непременно буду крутиться где-нибудь поблизости, – Кукс довольно осклабился, – не позвони я тебе, Анатолий до сих пор бы причитал: «Ах! Что же делать!? Что же делать!?!». Но, как только узнал, что я пригласил тебя, пришел в бешенство и тут же вызвал спасателей. Из духа противоречия.

Кукс поскреб свой шелушащийся нос и посмотрел ни Игана взглядом виноватой собаки.

– Я, конечно, понимаю, что общаться с такими недочеловеками – себя не уважать, но меня в первую очередь беспокоит Роман. Онариец его здорово потрепал. Так что не ради денег, не ради славы, не ради меня, а ради него – поговори с Анатодем, хорошо? Постарайся его убедить. Дави на то, что он представляет лицо фирмы, и только ты способен уберечь его от еще большего позора. Если все пойдет по наихудшему сценарию, то ведь именно ему придется отдуваться перед

журналистами, а этого никто не любит. Попробуешь?

– Ладно, там видно будет, – Иган поправил рюкзак на плече, – пошли.

Завидев их, секретарь попытался принять горделивый вид, нарушаемый, впрочем, тенью растерянности на его ухоженном лице. Совершенно некстати Иган вдруг вспомнил, что сам сегодня в спешке так и не успел побриться.

– Вы, я полагаю, тот самый господин Бросковой? – осведомился Анатоль.

– Бросковец, – поправил его Иган, – Иган Бросковец.

– Я уже говорил, что не вижу смысла в Вашем приезде. Я вызвал бригаду спасателей, которые будут здесь с минуты на минуту. Вас только напрасно побеспокоили.

– Как сказать, – Иган бросил взгляд на часы, – по моей оценке, они прибудут не ранее, чем через двадцать минут. Потом еще минут десять будут входить в курс дела, свяжутся со своими экспертами, которых, по обыкновению не окажется на месте. Выходной, как-никак. Бурное обсуждение займет еще некоторое время. Добавим к этому подготовку препаратов, поиски затаившегося зверя и попытки выгнать его на открытое пространство. В конечном итоге все закончится выстрелом с лошадиной дозой транквилизатора, которая с весьма высокой вероятностью Онарийца прикончит, а потерянное время убьет Вашего раненого сотрудника.

– Спасатели – профессионалы, им лучше знать, что и как делать.

– При всем уважении, они не могут быть специалистами во всех мыслимых областях. Поверьте, о том, как обращаться с инопланетными животными, мне известно несравненно больше, нежели им.

– Я предпочитаю пользоваться услугами серьезных организаций, а не ремесленников-самоучек.

– Что ж, как хотите, – Иган равнодушно пожал плечами, – но Вы позволите мне хотя бы взглянуть на ситуацию поближе? Возможно, самоучка сможет что-нибудь подсказать маститым профессионалам, когда они придут.

– Смотрите на здоровье, только не подходите очень близко к ограждению. Леопард может Вас ранить, а мне и одного пациента хватает.

– Спасибо, что предупредили! – опустив рюкзак на землю, Иган одним прыжком перемахнул через невысокий заборчик и вплотную подошел к огораживающей вольер решетке.

– Я же сказал Вам! – крикнул вслед Анатолю, но Иган не обратил на него внимания.

Отсюда, снизу, разглядеть, что творится в вольере, было практически невозможно, поскольку по периметру росли увитые лианами деревья, изображающие дикие непролазные джунгли. Но именно здесь, среди их ветвей укрывался взбесившийся зверь. Иган знал, что в таком взвинченном состоянии Онариец станет в бешенстве бросаться на любой, даже пустяковый раздражитель. Он поднял с земли небольшой камушек и, держась от решетки на некотором расстоянии,

вытянул руку и постучал им по железным прутьям.

Ничего не произошло, но по толпе посетителей за его спиной пробежало явное оживление. Иган затылком ощущал впившиеся в него взгляды, подспудно ожидающие, что сейчас и с ним приключится какая-нибудь неприятность. Пусть смотрят, не жалко.

Он прошел вдоль забора несколько шагов и постучал снова, потом еще и еще...

Как и подобает хищнику, Онариец атаковал внезапно и молниеносно. Металлическое ограждение содрогнулось от мощного удара, огромные когти громко лязгнули, погнув пару прутьев. Усыпанная острыми зубами пасть, остановленная решеткой на расстоянии вытянутой руки от лица Игана, издала яростный рев, обдав его горячим влажным дыханием. Как аккомпанемент, сзади донеслись крики и визг напуганных зрителей. Даже Иган невольно вздрогнул, хотя именно такой реакции от животного и ожидал.

Леопард исчез столь же стремительно, как и появился. Только мелькнула исчерченная буро-зелеными полосами спина, и вот уже лишь покачивающиеся ветви свидетельствуют о том, что все это не померещилось.

Отбросив камень, Иган провел пальцами по влажно поблескивающим прутьям и поднес руку к лицу. Закрыв глаза, он осторожно потянул носом воздух. Поморщившись, он торопливо вытер ладонь о штаны и вернулся к поджидающим его людям.

– Вы что, с ума сошли!?! – взвился Анатоль, – что Вы творите!?

– Как я и предполагал, он где-то повредил себе зуб, – обратился Иган к Куксу, – у Онарийца в пасти кровь.

– Ну да, – недоуменно нахмурился тот, – он же задрал Романа! У него вся морда в крови!

– Это не то. Человеческая кровь пахнет иначе.

– Что Вы там несете!?! Что все это значит?! – не унимался Анатоль.

– Это значит, – Иган словно только сейчас вспомнил о его существовании, – что Онариец будет беситься пока боль не утихнет или пока он не устанет и не уснет. И то и другое ждать можно довольно долго. Поэтому...

– Мы не можем ждать! У нас там раненый человек!

– *Поэтому*, – с нажимом повторил Иган, – я предлагаю Вам помощь в разрешении образовавшейся проблемы.

– И чем именно Вы можете помочь? – Анатоль нервно хохотнул, – отвлекать Онарийца экзотическими танцами, пока спасатели будут выносить Романа?

– Я уже говорил, что спасатели придут сюда еще не скоро, а когда они смогут что-то конкретное сделать – вообще неизвестно. Я же, если Вы дадите свое согласие, конечно, мог бы войти в вольер прямо сейчас и уже через пять минут оказать первую помощь пострадавшему. После этого я попытаюсь усмирить животное, и, при благоприятном стечении обстоятельств, минут через десять врачи смогут раненого за-

брать.

– Усмирить разъяренного Онарийца? В одиночку? Каким образом? – секретарь затряс головой, – сейчас не самый подходящий момент для розыгрышей!

– Анатоль! – вступил в разговор Кукс, – если Иган что-то обещает, то он это делает, поверь мне! И какая тебе разница, как!?

– Должен же я знать, что этот сумасшедший собирается предпринять!

– Повторяю – оказать первую помощь раненому и утормотить Онарийца. Если все пойдет как надо, то для этого мне потребуется минут десять, не больше.

– А если все пойдет не так? Что тогда?

– В любом случае, я гарантирую, что Онариец не пострадает. Для Вашего спокойствия я также подпишу бумагу, снимающую с Вас всякую ответственность, случись что со мной. Вы ничем не рискуете.

Анатоль задумался.

– Так просто ничего не бывает, – протянул он, наконец, – какова цена вопроса?

– Пятнадцать тысяч.

– Сколько!?! Пятнадцать тысяч!?

– Пять за спасение человека, пять за Онарийца и еще пять за риск.

– Это совершенно безумная цифра!

– Онариец стоит гораздо дороже. Я понимаю, что живот-

ное застраховано, но как оценить косвенные потери, которые понесет «Зоопланета» в случае его гибели? Престиж, репутация... Эти понятия сложно выразить в деньгах, но их ценность куда выше названной мною суммы. А в случае смерти Романа, Боже упаси, конечно, Вам придется отдуваться не только перед настырными репортерами, но и перед присяжными. Сколько бы Вы отдали, чтобы избежать такой участи?

Расчет оказался верен. Анатолий нахмурился, лихорадочно что-то просчитывая и, по ходу дела, мрачней все больше.

– У меня нет в наличии такой суммы, – выдал он, наконец, – но ее можно будет собрать дня за два – три.

– Соберите ее к моему возвращению из вольера, – Иган подхватил с земли рюкзак и вынул из него тонкую папку, которую протянул секретарю, – ваша ежедневная выручка больше нее раз в сто. Поищите как следует. Вот Вам обещанная расписка и прочие бумажки. Подпишите, пока я готовлюсь.

– Кукс? – секретарь, на лице которого появилось почти умоляющее выражение, повернулся к щуплому человечку.

– Я поговорю с кассой, – кивнул тот, – что-нибудь придумаем, не волнуйтесь.

– Вот и славно! – Иган поднял с земли свой рюкзак, – где у вас тут можно переодеться?

Сбросив куртку, Иган вытряхнул на пол почти все свое снаряжение и начал быстро, но без суеты, собираться на дело. Он пристегнул к ногам две кобуры, рассовал в карма-

ны какие-то баллончики и коробочки, обмотал вокруг пояса длинную веревку, не переставая при этом давать наставления наблюдающему за его сборами Куксу.

– Вот, держи, – он протянул ему небольшой пузырек, – это Пороситацин. Если я не справлюсь, то всадите Онарийцу пять кубиков этой гадости. Такая доза его гарантировано успокоит, причем, есть большая вероятность, что навсегда.

– А если поменьше?

– Не рискуйте. Его иммунная система работает не так, как у других животных. Меньшая доза может не подействовать, и тогда он станет к Пороситацину вообще невосприимчив. Вам останется только пристрелить его.

– А какого-нибудь другого средства нет? Может у спасателей что найдется?

– Они поступят точно так же. Вот только перед этим, как я уже говорил, будут битый час консультироваться со своими горе-экспертами. Я просто пытаюсь облегчить им эту задачу.

Иган достал из чехлов два инъектора и зарядил один из них таким же пузырьком Пороситацина, а другой – анестетиком из аптечки. Заправленные инъекторы он ловко вогнал в кобуры, как будто это были и не медицинские инструменты вовсе, а два заряженных револьвера. Он поднялся на ноги, держа в руках аэрозольный баллончик. Он встряхнул его и опрыскал всего себя с ног до головы.

– На, – протянул он баллончик Куксу, – побрызгай мне на спину.

– Что это, – любопытствовал Кукс, распыляя препарат на плечи Игана.

– Подавитель запахов. Он временно сделает меня почти незаметным для обоняния Оনারийца.

– Какая полезная штука!

– Ровно до того момента, пока он меня не увидит. Или услышит. Дальше приходится надеяться только на себя. Кроме того, я же сказал: *почти* незаметным, а сейчас, когда зверь раздражен, его чувства обострены, и фокус может не удалиться... Кстати!

– Что?

– У вас есть возможность управлять ветром в вольере?

– Да, конечно.

– Прекрасно! Тогда сделайте так, чтобы он дул в сторону входной калитки.

– Сильно надо дуть?

– Нет, достаточно совсем небольшого сквознячка.

– Хорошо, сделаю, – Кукс вернул баллончик Игану, – готово. Что-нибудь еще?

– Наверняка, но на ум что-то ничего не приходит. Ну и ладно! – Иган махнул рукой, – пора. Я подожду у входа, пока ветер не переменится. Потом захожу. Можешь пожелать мне удачи.

– Ни пуха!

– К черту!

Иган подошел к калитке и остановился. Закрыв глаза, он постарался сосредоточиться, выбросить из головы все посторонние мысли и страхи, расчистить место для более важных задач. Ропот людской толпы, хриплое карканье мегафона – все это осталось за спиной, постепенно тая, растворяясь в других ощущениях.

Глаза закрыты, зрение подождет. Слух сейчас тоже не особо нужен. В данный момент Иган, застыв как изваяние, всем своим существом впитывал и пристально рассматривал совершенно иной мир – мир запахов. Поначалу он не мог ничего разобрать за какофонией десятков поедаемых вокруг мороженных и сотен леденцов на палочках. Нестройный хор множества человеческих тел, умащенных разнообразными дезодорантами, лосьонами и кремами также, казалось, заглушал все на свете. Справа надрывалось нечищенное отхожее место в соседнем павильоне. Видимо, убрать его Роман просто не успел. Дальше, дальше, да! Вот проступил фоновый запах Онарйца, пропитавший буквально весь вольер – песок, камни, деревья. Уже лучше, но все так нечетко, размыто. Иган погружался все глубже, подобно тому, как гурман отыскивает в бокале коллекционного вина тончайшие ноты летней грозы и соленого морского ветра, ловя почти неосознаваемые нити запахов.

Его лица коснулось легкое движение воздуха. Отлично, ветер меняется. Еще несколько секунд – и он смоет застоявшуюся затхлую картину, освежив ее краски и полутона. Как

в проматываемой задом наперед видеозаписи, мимо Игана заскользили воспоминания о недавно происходивших в вольере событиях. Человек, большой кусок размороженной говядины, Онариец, его кровь, боль и гнев, человеческий адреналин, человеческая кровь... Стоп! Есть! Иган вцепился в извивающуюся, терпкую нить, тянущуюся от разозленного животного. Да уж, разъярился он не на шутку. Чувствуется, что поврежденный зуб доставляет ему немало беспокойства. Иган мог, не открывая глаз, совершенно точно показать, где именно засел Онариец. Сейчас он на противоположной стороне вольера, как раз там, откуда дует ветер. Это хорошо. В том случае, если он все же заметит незваного гостя, в запасе будет немного времени. Где-то пара секунд. Что ж, теперь можно и заходить.

Иган глубоко вздохнул и открыл глаза. Открывая калитку, он невидящим взором смотрел прямо перед собой. Визуальная картина окружающего мира по сравнению с картиной обонятельной казалась настолько бледной и неинформативной, что зрение сейчас больше отвлекало его, нежели помогало. Онарийца отсюда все равно не разглядеть, в то же время как по запаху Иган мог определить его положение с точностью до метра. Он осторожно двинулся в противоположную сторону, подбираясь к раненому. Сзади сухо шелкнул запертый диспетчером замок.

Внутри вольера не прорывались никакие звуки извне, заглушаемые системой искусственной биосферы. Вместо дет-

ского визга и разноголосого завывания аттракционов воздух здесь был наполнен щебетом несуществующих птиц и шелестом листвы. Только душное покрывало запахов заполоненного людьми зоопарка портило идиллическую картину. Аккуратно поглощать одни запахи и убедительно воспроизводить другие существующая техника пока не умела.

Иган уже подошел вплотную к границе открытого участка, как вдруг резко остановился. Все его тело напряглось, ноздри затрепетали. Этот запах... Он ощущал его уже давно, но здесь, в нескольких шагах от израненного человека, он становился столь сильным, что далее игнорировать его стало уже невозможно.

Запах свежей крови.

Черт! Этот момент он как-то упустил из виду. Ведь чем дальше, тем труднее будет сохранять самоконтроль, но ничего не попишешь, отступить уже поздно.

Иган закрыл ладонью лицо и, стараясь дышать только ртом, двинулся в сторону, пытаясь увернуться от тугого, как струя из пожарного брандспойта, шлейфа кровавого аромата. По сравнению с ним все прочие запахи казались не более чем тонкими ниточками. Несколькими метрами левее он, наконец, смог осторожно перевести дух. Уже лучше, но теперь придется больше полагаться на традиционные зрение и слух.

Он ступил на раскаленный солнцем песок, подбираясь к расprostертому Роману с наветренной стороны. Спинай

Иган почти физически ощущал десятки буравящих его любопытных взглядов. Адреналин буквально пропитал окружающий воздух. Толпа жаждала зрелищ.

В нескольких шагах от раненого Игану все же пришлось зажать нос. Тяжелый, сладковатый, туманящий разум запах просачивался, казалось, прямо сквозь кожу, заставляя сердце колотиться все сильнее. Кровь гулко бухала в ушах и застилала глаза красноватым туманом. В такие моменты он бы все отдал за способность вообще не дышать!

Опустившись на корточки рядом с Романом, Иган попробовал нащупать у него пульс. Есть! Слабый, еле различимый, но ровный и стабильный...

Иган зажмурился. Его одурманенное сознание отчаянно порывалось вырваться из-под контроля. Нет! Не сейчас! Он же обещал! Чужая Жизнь, пульсирующая под его средним пальцем, манила и влекла, дразня своей незащищенностью. *Забрать ее сейчас так легко – достаточно чуть сильнее сдавить артерию. Слиться с ней, вобрать ее в себя – что может быть прекрасней?...* НЕТ!!! Он обещал!.. *Да, он гарантировал сохранность Онарийца, но не давал гарантий насчет Романа. Никто ничего и не заметит ...* НЕТ! Достаточно только начать, уступить один-единственный раз, как дальше все пойдет вразнос. Тогда и за жизнь Онарийца нельзя будет поручиться. Нет!.. *Всего одно движение!..* Нет. Точка.

Скрипнув зубами, Иган отнял руку от шеи Романа и вы-

нул из кобуры один из инъекторов. Вколлов раненому анестетик, он отбросил в сторону ненужный более инструмент и достал аэрозольный баллончик, которым обработал раны. Парню здорово досталось, ему крупно повезет, если удастся сохранить ногу, которую Онариец почти оторвал. Да что там! При такой потере крови надо радоваться, если вообще жив останешься.

Продолжая зажимать нос, Иган поднялся и на негнущихся ногах отошел от Романа. Его переполняли раздражение и злость. В первую очередь, на самого себя за то, что он едва не поддался минутной слабости, едва не позволил себе сделать то, чего так страстно желал, потом на Онарийца, на Анатоля, на «Зоопланету», ее посетителей и весь остальной мир. Впрочем, это, возможно, и к лучшему. Злость – страшное оружие, если только знать, как его правильно использовать.

Повернувшись спиной к неподвижному телу, он расправил плечи и глубоко вздохнул. Потускневшие, было, запахи вспыхнули и засверкали с новой силой. Недавнее возбуждение словно прочистило какие-то каналы в его голове, и теперь воздух вокруг был наполнен десятками, сотнями туго натянутых и звенящих струн. Это были уже не просто запахи, а нечто большее. Каждая из них вела к чьей-нибудь жизни, будь то человек за ограждением, затаившаяся в ветвях птица или крохотный муравей. Иган почти физически ощущал, как на их противоположных концах пульсируют чужие сердца.

Вы хотели зрелищ? Будут вам зрелища!

Остановившись посередине песчаной площадки, Иган запрокинул голову, и над зоопарком разнесся пронзительный вибрирующий вой – клич самца Онарийского Леопарда, заявляющего свои права на данную территорию.

Собравшаяся за ограждением толпа испуганно ахнула, когда почти триста килограммов клыков, когтей и стальных мускулов вылетели из-за деревьев и с ревом бросились на дерзкого самозванца. Онариец не стал тратить время на лишние маневры и сразу же прыгнул, одним броском покрыв последние несколько метров, что оставались до Игана. Женщины пронзительно завизжали. Подняв в воздух тучу пыли, зверь остановился, пропахав лапами в песке глубокие борозды. Пригнув голову к земле, он пару раз крутнулся на месте, разыскивая тело своего поверженного противника.

В этот миг снова раздался вой, постепенно переходящий в рык, громкий, уверенный и требовательный. Леопард даже подпрыгнул от неожиданности и, мгновенно развернувшись, припал к земле, готовясь к новой атаке. Стоя у самой кромки деревьев, Иган вызывал его на бой. Никто не видел, и никто не понял, как он там оказался. Его одежду покрывал налипший песок, на щеках проступили темные полосы от сбегающих капель пота, но в его позе, и, тем более, в его голосе ощущалась такая сила и уверенность, что на сей раз Онариец не спешил.

Сообразив, что вместо жуткой драмы им предлагается остросюжетное и динамичное действо, зрители подались вперед, возбужденно галдя и сверкая десятками объективов. Вряд ли когда еще доведется увидеть подобную корриду.

Человек и хищник тем временем исполняли сложный танец, кружась друг вокруг друга на некотором удалении. Перепачканный в пыли, Иган в этот момент и сам напоминал большую пятнистую кошку – гибкий и текучий, он беззвучно скользил по площадке, подобно зеркалу отражая каждое движение Онарийца и вторя ему столь же грозным рычанием. Описываемые ими круги постепенно сужались, напряжение нарастало...

Бросок!!!

Обрушившись на свою жертву, Онариец завертелся, взрывая когтями песок и желая разорвать обидчика в клочья. Он не мог промахнуться! Не мог! Его переполняла ярость, смешанная со страхом, который становился все сильнее с каждой секундой. Он, безраздельно царствовавший здесь столько лет, боялся потерпеть поражение.

Громкий рев заставил зверя вздрогнуть. Его хвост сам собой опустился, так и норовя испуганно поджаться. На этот раз противник требовал не битвы, он требовал подчинения. Беспрекословного и покорного.

Публика потрясенно охнула. Иган медленно шел на Онарийца. Грозно и неотвратимо, как айсберг на рыбацкий баркас, он надвигался на соперника, который был в несколько

раз крупнее него. Он открыл рот и снова гневно зарычал. Казалось невероятным, как человеческие голосовые связки способны издавать такой звук – столь мощный и столь... *дикий*.

И Онариец попятился! Против его воли лапы сами скребли песок, отступая перед Человеком. Такого позора он еще не знал.

Его хвост коснулся росших на краю площадки кустов и вдруг, словно это спустило какую-то скрытую пружину, зверь снова бросился на Игана. Он знал, что побежден, знал, что проиграл это сражение, но все равно прыгнул. Если уж проигрывать, то проигрывать достойно!

Один из любительских фотоснимков запечатлел фантастическую застывшую картину – припавший на колени человек с удивительно усталым лицом и зависший над ним в прыжке огромный полосатый зверь с разинутой пастью и выставленными вперед когтистыми лапами. Создавалось впечатление, что он удерживается в воздухе лишь на двух пальцах, которыми человек, выбросивший вверх руку, касался его шеи.

Онариец рухнул вниз и покотился по земле. Осевшая пыль открыла взорам толпящихся за забором людей жутковатое зрелище. Лежащий на спине зверь скулил и извивался, молотя лапами воздух. Хвост, как огромная метла, метался из стороны в сторону, поднимая в воздух тучи песка. Но, как ни старалось бедное животное, оно никак не могло высвобо-

даться. Тонкая слабая человеческая рука, придерживающая его за горло, пригвоздила Онарийца к земле лучше любого капкана, крепче самого толстого каната. Его словно приковали к земле прочной стальной скобой, концы которой замуровали в кубометры бетона. Через некоторое время зверь перестал брыкаться, и только его глаза неотрывно следили за Иганом полным ужаса немигающим взглядом.

Не отпуская правой руки от шеи распростертого на песке зверя, Иган вынул из кобуры второй иньектор. Раздвинув зеленоватый мех за ухом, он приложил прибор к пяточку оголенной кожи и нажал на кнопку.

Он быстро отскочил в сторону и отсюда, с безопасного расстояния наблюдал за тем, как Онариец перекатился и попытался подняться на ноги, но потом весь задрожал, лапы его подкосились, и животное повалилось на землю. Зверь еще пару раз дернулся и затих, закрыв подернувшиеся дымкой глаза.

Иган размотал с пояса веревку и крепко связал обездвиженное животное, и только после этого махнул рукой, показывая, что теперь в вольер можно заходить. Из-за ограждения донесся радостный гомон и нестройные аплодисменты.

Пока санитары с носилками суетились вокруг Романа, Иган сел прямо на песок, а потом и вовсе лег на спину, раскидав руки в стороны. Солнце светило прямо в глаза, так и норовя пробиться под закрытые веки, но ему было наплевать. Жутко хотелось хоть несколько минут ни о чем не ду-

мать. Нити окружающих запахов постепенно бледнели и таяли по мере того, как он вымывал из своей головы остатки недавней сосредоточенности, возвращаясь к нормальному человеческому состоянию.

– Ты в порядке? – послышался рядом голос Кукса.

– Угу.

– Вот твой иньектор.

– Спасибо. Положи рядом.

Песок негромко скрипнул, когда Кукс нагнулся и положил инструмент около правой руки Игана.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Сейчас – нет, – Иган тяжело вздохнул и приоткрыл один глаз, – документы подписали?

– Да, – Кукс продемонстрировал папку с бумагами.

– А деньги?

– Уже переведены на твой счет, – он усмехнулся, – там, наконец, спасатели прибыли. Видел бы ты их обиженные физиономии, когда поднос с шампанским пронесли мимо их столика!

– Не хочу я никого и ничего видеть. Мне и так паршиво.

Иган перекатился набок и сел. Подобрал иньектор, он принялся сдувать с него налипший песок. Покончив с этим занятием, он поднялся, кряхтя и морщась, как страдающий радикулитом старик.

– Я бы не отказался от душа и чашечки горячего кофе. Сделаешь?

– Нет проблем! Я принесу тебе прямо в раздевалку.

– Давай. А я пока ополоснусь.

Когда Кукс вернулся из буфета с дымящимся стаканчиком в руках, он застыл на пороге и даже ненадолго зажмурился. Он уже неоднократно видел это раньше, но так и не смог привыкнуть, всякий раз теряя аппетит на весь оставшийся день.

Иган стоял посередине раздевалки в одних трусах, вытирая волосы полотенцем. На мокрой после душа, блестящей коже кристально четко прорисовывался каждый из многочисленных шрамов, покрывающих почти все его жилистое тело. Казалось, будто Игана долго терзал какой-то зубастый зверь, но не смог прожевать и выплюнул. Или кто-то делал ему липосакцию, используя вместо скальпеля мясницкий тесак. При мысли о той боли, что была скрыта за этими рубцами, становилось дурно.

– Принес? Отлично! – Иган взял стаканчик из рук Кукса и несколькими глотками опустошил его, – уф! Вот теперь жизнь начинает налаживаться! А ты что такой хмурый?

– Я за Романа беспокоюсь.

– Кстати, что с ним?

– Ему крупно повезет, если удастся сохранить правую ногу. Да и руки здорово пострадали, – Кукс поежился. После сегодняшних событий, похоже, придется пару дней поголодать, – какая-то определенность будет только к вечеру, но

одно ясно – он инвалид на всю оставшуюся жизнь.

– Печально, – Иган вздохнул, – остается только надеяться, что все не так плохо, как ты нарисовал. Ты любишь сгущать краски.

– Я вот тут думаю...

– О чем?

– По-моему, это несправедливо.

– Что именно? – Иган бросил полотенце на спинку стула и начал одеваться.

– Ты всю свою жизнь буквально лез в пасть к самым разным тварям, схватывался с опаснейшими хищниками Вселенной – и ничего, жив, здоров и не кашляешь. А Роман, тихий мирный человек, никого не трогал, и бац – ни за что ни про что лишился ноги и вообще, едва не отправился к праотцам.

– Строго говоря, у меня тоже без потерь не обошлось, – просунув ногу в штанину, Иган продемонстрировал Куксу босую трехпалую ступню, – самое обидное, что я тогда вляпался в свой же собственный капкан. Так что насчет несправедливости я с тобой полностью согласен. Жизнь – чертовски подлая штука! Как ни крутись, а в конце все умирают, и злодеи и герои. Где здесь справедливость, а?

– Тебе бы все шутки шутить...

– А что еще нам остается делать! – Иган набросил на плечи куртку, а грязную одежду, скомкав, затолкал в рюкзак, – Пороситацин, что я тебе дал, все еще у тебя?

– Да. Вернуть?

– Нет, оставь, он тебе еще может пригодиться.

– Для чего?

– Слушай внимательно, – Иган вручил Куксу один из своих инъекторов, – заряди его на два кубика и держи наготове. Если Онариец начнет подавать признаки жизни, то сделай ему инъекцию. У него за ушами есть свободные от шерсти участки – надо вколоть именно туда, иначе не подействует. В этом месте проходит что-то вроде нашей сонной артерии, и препарат попадет прямо в мозг, не успев разбежаться по телу.

– А если?...

– Что делать, если все плохо, я уже объяснял. Заряжаешь пять кубиков и вкалываешь куда получится, но постарайтесь до этого не доводить, а то еще убьете несчастное животное.

– Игги, я же не специалист по снайперскому иглоукалыванию, в конце концов!

– Тогда доверь это дело тому, кто справится.

– Ладно, попрошу Майю, у нее руки вроде бы из нужного места растут, в отличие от меня.

– И еще одно – я связал ему лапы простым шнуром, а у Онарийцев шерстинки очень жесткие и острые. Если зверь начнет дергаться, то шнур быстро перетрется, и он высвободится. Поэтому скрутите его чем-нибудь покрепче, альпинистским тросом, например. Он более устойчив к истиранию. И чем скорее, тем лучше.

– Хорошо.

– Не забудь еще разобраться с его кормежкой. Возможно, сегодня ему попался там камушек или что-то в этом роде. Я не думаю, что имела место целенаправленная диверсия, но, в любом случае, впредь будьте внимательней.

– Уф! Ну и навалил ты на меня! – Кукс вынул из кармана телефон, задумчиво посмотрел на него, о чем-то размышляя, и снова убрал обратно, – может, ты немного задержишься, пока все не утрясется? Твой опыт очень пригодился бы!

– Нет, с меня на сегодня хватит, – Иган отрицательно замотал головой, – дальше разбирайтесь сами. Я тебе все подробно рассказал, снабдил всем необходимым – ты справишься, я в тебя верю.

– Мне бы твою уверенность!

– Ничего, все обойдется, а если вдруг что не так, то ты знаешь, как меня найти. Только об одном прошу – не сегодня! На предстоящий вечер у меня запланирован масштабный загул.

– Завидую!

– А когда я там по песку катался, ты мне тоже завидовал?

– Не-е-е, у меня тогда все поджилки от волнения тряслись.

– То-то и оно! – Иган усмехнулся, – давай бумаги.

Он быстро просмотрел папку с документами и, удовлетворенно хмыкнув, сунул ее в рюкзак. Потом, взяв в руки телефон, быстро проделал с ним несколько манипуляций. Из кармана Кукса раздался короткий писк пришедшего уведом-

ления.

– Твой агентский процент, – пояснил Иган, убирая телефон.

Зная, что отказываться все равно бесполезно, Кукс только обреченно вздохнул.

– И нечего так тяжело вздыхать. Ты их заработал, – Иган и затянул завязки и закинул рюкзак на плечо, – купи дочке каких-нибудь игрушек.

– Игги! – укор в голосе Кукса заставил его обернуться, – у меня уже внук подрастает.

– Что? Правда? – Иган даже немного растерялся, – ну, что ж... тогда купи что-нибудь ему... Черт! Как же летит время!

– Да уж, от жизни ты малость поотстал.

– Ну вот, и где здесь, спрашивается, справедливость?

Иган попытался самостоятельно проделать в обратном направлении тот хитрый путь, которым Кукс вывел его к вольеру и, естественно, заблудился. Он вынырнул на свет где-то за покрытыми зеленым мхом большими террариумами, совсем не там, где хотел. Теперь он оказался даже дальше от главного входа, чем был вначале. Впрочем, такой поворот его не сильно огорчил. Здесь ничто не напоминало о той драме, что разыгрывалась в центральной части зоопарка полчаса назад. Кругом сновали галдящие дети, рядом неспешно прогуливались их улыбающиеся родители, мирно о чем-то беседуя. На Игана никто не обращал внимания.

Сориентировавшись, он поправил сползающий с плеча рюкзак и побрел к входным воротам. Он только сейчас начал понемногу отходить после того, что случилось. Перед глазами замелькали образы недавних событий: разинутая пасть Онарийца, усыпанная острыми зубами как челюсти акулы, растерзанное человеческое тело на забрызганном кровью песке, порыв ветра, обдающий лицо в тот момент, когда огромные когти пролетают над ним, задевая за волосы. Против его воли фантазия начала рисовать возможные варианты развития событий, замешкайся он хоть на мгновение, ошибись хоть на миллиметр. Как Иган ни старался, он так и не смог отогнать картины, обильно приправленные его собственной кровью.

Его начало трясти, ватные ноги настойчиво требовали присесть, но все скамейки как назло уже заняли отдыхающие. Он остановился в тени торгующего сувенирами киоска и привалился к нему спиной. За столько лет Иган давно уже привык к опасности, всегда трезво рассчитывая свои шансы и никогда бессмысленно не рискуя, но так и не научился справляться с опустошением, что накатывало после. Всего несколько минут танца со смертью – и он чувствовал себя полностью разбитым.

Немного передохнув, Иган двинулся дальше. Еще не дойдя до ворот, он увидел по ту их сторону бело-голубую полицейскую машину. Слоняющийся вдоль забора офицер в сдвинутой на самый затылок фуражке время от времени бро-

сал бдительный взгляд на его мотоцикл.

Иган остановился. Общаться с полицией ему совершенно не хотелось. И дело было не в том, что он всегда старался держаться подальше от людей в форме, даже тогда, когда был абсолютно чист перед законом. В конце концов, в рюкзаке лежали документы, подтверждающие, что использование Приоритетной Карты было обосновано, просто в данный момент Иган не желал общаться вообще ни с кем.

Он развернулся и зашагал обратно, вглубь зоопарка. Ничего, полицейские никуда не денутся, это их работа – проверять каждый случай использования Карты. Пусть еще немного подождут, не сломаются.

Поначалу Иган шел куда глаза глядят, но, чуть погодя, его желудок напомнил о том, что он сегодня не успел позавтракать, и вскоре блуждания Игана обрели некоторую осмысленность.

Поиски более-менее уединенного местечка занесли его к детским аттракционам. Уединенностью здесь как раз даже и не пахло, но ему уже настолько осточертело бродить от одной набитой публикой забегаловки к другой, что, увидев, как прямо перед его носом освободился столик, Иган тут же за него сел.

В тот момент, когда принесший меню официант убирал со стола пустые стаканчики и грязные салфетки, оставшиеся от предыдущих посетителей, неожиданно грянул духовой оркестр. Сознание Игана мгновенно синхронизировалось с

текущими временем и датой. Сегодня же суббота! А это значит, что сейчас по центральной аллее зоопарка, мимо кафе, в котором он сидит, пройдет красочный субботний парад с клоунами, жонглерами, фейерверком и прочими обязательными атрибутами.

Сделав заказ, Иган развернул стул так, чтобы лучше видеть происходящее. Визжащие от восторга дети высыпали на тротуар, торопясь занять самые выгодные позиции для наблюдения. Из-за угла показались сияющие улыбками длинноногие девушки в стилизованной старинной военной форме. Цоканье их каблучков по брусчатке почти заглушало бредущий за ними оркестр с красными от натуги трубачами и давно уже оглохшим, но вполне довольным жизнью барабанщиком.

Память предательски подсунула тоскливое воспоминание о том, как любила смотреть на эти парады его маленькая Маша. В этот момент она всегда заявляла, что, когда вырастет, тоже будет так вышагивать во главе парада. Потом, по мере продвижения шествия, она последовательно меняла свои приоритеты – гимнастки, танцовщицы, клоуны (даром, что мужчины) и, наконец, дрессировщица, возлежащая на проезжающей платформе в окружении своих тигров.

Черт бы побрал эти воспоминания! И дня не проходило без того, чтобы что-нибудь не напомнило о былом, терзая сердце болезненными уколами. Неужели в мире не осталось ничего, чему можно было бы спокойно радоваться, без опа-

сения вызвать к жизни призраки прошлого?

Хотя нет, кое-что есть. Иган невольно улыбнулся. Ради одного того обстоятельства, что стерегущему его полицейскому придется проторчать за забором почти дотемна, парад стоило досмотреть до самого конца...

* * *

Иган молча щелкнул селектором, переведя винтовку на боевые патроны и, не обращая внимания на все еще сыплющиеся сверху листья и обломки сучьев, двинулся вперед. Он крадучись обошел разможенный автомобиль и заглянул в салон. Из-за его спины выглянул подбежавший Лемех. Колесо скрипнуло в последний раз и замерло.

– Что это было? – Иган сглотнул и отвернулся от жуткого зрелища, – я не слышал никакого взрыва.

– А это и не взрыв, – побледневший Лемех окинул взглядом растерзанную машину, и его нижняя губа, потеряв контроль, предательски задрожала, – это *когти*.

– Что ты несешь!?

– Я... я... – он вдруг метнулся к джипу и вытащил из пролома папку с планшетом. Ремешок зацепился за что-то внутри машины, но Лемех счел за благо не тащить его дальше, опасаясь извлечь вместе с ним на свет чьи-то останки. Он торопливо пробежал непослушными пальцами по экрану и, хмыкнув, протянул планшет Игану, – вот, сам посмотри.

Его взору предстала таблица с телеметрией всех членов экспедиции. Почти все строки были либо пусты из-за потери сигнала, либо тревожно мигали красным, сигнализируя об остановке сердца. Оставались зелеными лишь два огонька из пятнадцати. Дальнейшие споры не имели смысла.

– Ладно, этот момент мы прояснили, что дальше?

– Я же тебе уже сказал, бежать на пункт сбора и вызывать спасателей, – Лемех протиснулся мимо него и засунул голову в окно, – ох черт! Меня сейчас стошнит!

– Что ты там высматриваешь?

– Здесь где-то должна быть... ага! – он выкарабкался наружу, волоча за собой забрызганный кровью длинный тяжелый футляр, – вот она!

Он торопливо расстегнул застёжки и извлек из чехла здоровую винтовку с толстым стволом и массивной казенной частью. Из того же футляра была извлечена и вставлена на свое место обойма с патронами.

– Штурмовик? – удивился Иган, – зачем он тебе?

– Думаешь, твоя пукалка сможет хоть как-то навредить... ему?

– Черт, Лемех, ты с этой дубиной далеко не убежишь!

– Нам далеко бежать и не требуется, – он продемонстрировал добытый в машине аварийный передатчик, – как выберемся на открытое место – тут же пошлем вызов.

– Лемех, ты рехнулся! – Иган выхватил оранжевую коробочку у него из рук, – на ее сигнал сбежится целая толпа

народа! Нас с тобой выпотрошат и наизнанку вывернут! Ты хоть понимаешь, во что мы вляпались? На закрытой планете, с кучей VIP-покойников на руках, а ты еще и с секретной штурмовой винтовкой в придачу! Нам каюк!

– Этого нам в любом случае не избежать, а спасателей все равно вызывать надо!

– В пункте сбора есть узконаправленный передатчик. Доберемся – вызовем, но только не спасателей, а подкрепление, и без лишнего шума. Понятно?

– До нее же километров десять пилить, не меньше!

– Брось эту пушку, если тяжело, – Иган убрал передатчик в карман и закинул свою винтовку за спину, – она будет тебя только тормозить.

– Вот еще! Как-нибудь справлюсь, не волнуйся, – Лемех приладил штурмовик на плече и в очередной раз пошарил глазами по сторонам, – мне бы только увидеть, в кого стрелять...

– Судя по всему, тот, с кем мы имеем дело, размера немаленького, – Иган потрусил вперед, – вряд ли он сможет продрасться сквозь чашу, оставаясь незамеченным. Если что – мы его услышим.

– Очень на это надеюсь!

Окутанный пеленой дождя лес беззвучно поглотил двух мужчин.

Ливень продолжал лить не переставая. В редких просветах между густыми кронами виднелись толкущиеся, громоз-

дьящиеся друг на друга свинцовые тучи, которые словно дрались за лучшие места в партере. Бледные отсветы молний вычерчивали на них причудливые бородастые и курчавые физиономии...

– Уф! Иган, обожди! – Лемех привалился к стволу дерева, тяжело дыша и убирая со лба мокрые пряди волос.

– Я тебя предупреждал, – раздраженно огрызнулся тот, – брось свое бревно!

– Вот еще! Быть может, это наша последняя страховка!

– Тогда не жалуйся!

– А ты уверен, что мы идем правильно? – Лемех задрал голову вверх, щурясь от падающих на лицо капель и пытаясь сообразить, в какой стороне сейчас солнце.

– Уверен.

– По-моему, нам следовало взять немного правее.

– Я хочу выйти к ущелью, вдоль его края лес редееет, и там мы сможем двигаться быстрее.

– Куда уж быстрее-то? Ты и так скачешь, как антилопа!

– Брось пушку!

– Нет!

Иган только пожал плечами, поправил ремень винтовки и, развернувшись, зашагал дальше. Лемех, кряхтя и чертыхаясь, поковылял следом.

Через пару минут они вышли к обрыву. Противоположная стена ущелья, равно как и его дно, терялись в молочно-белой вате тумана. Вдоль каменистого края деревьев и вправду

росло существенно меньше, поскольку немногие могли устоять здесь, на голых скалах, под напором хлещущего ветра, который подхватывал дождевые струи и швырял их почти параллельно земле, так и норовя залепить ими прямо в лицо.

– Ну да, дальше мы не побежим – поплывем... или даже полетим, – недовольно проворчал Лемех, пытаясь натянуть воротник куртки себе на нос.

Пропустив его причитания мимо ушей, Иган двинулся вдоль ущелья, прыгая по мокрым камням. Лемех попытался угнаться за ним, но быстро понял, что долго такой темп не выдержит.

– Игги, постой! – окликнул он напарника, успевшего ускользнуть уже довольно далеко вперед.

– Ну, что еще?

– Сквозь такую грозу нам до пункта сбора не добраться! – Лемеху приходилось кричать, чтобы перекрыть шум ветра и почти непрерывный рокот грома, – вызывай спасателей прямо сюда!

– Я уже сказал тебе – нет! Гроза все же лучше, чем допрос «с пристрастием». Пошли!

– Иган, ты что, самоубийца? Нас в любую секунду может смыть в пропасть каким-нибудь грязевым потоком! – Лемех, глядя себе под ноги, осторожно перепрыгивал через мутные ручейки, – надо выбраться на место повыше и посуше, а там переждать, пока дождь закончится.

– Переждать!? Разве не ты еще пятнадцать минут назад

спешил обратиться отсюда как можно дальше, да так, что только пятки сверкали?

– Да мне и сейчас страшно до поноса, – согласился Лемех, – но есть эмоции, а есть здравый смысл, и за годы войны я научился отделять одно от другого. Идти сейчас дальше равноценно самоубийству.

– Дело твое, можешь оставаться, если хочешь, а я пойду, – Иган развернулся и поглубже натянул на голову постоянно сваливающийся капюшон.

– Эй! Смотри! – Окрик Лемеха заставил его обернуться. Тот указывал рукой на верхушки деревьев. Подняв глаза, Иган тоже увидел стаю ворон, с хриплым карканьем взвисящую над лесом неподалеку.

– Их испугнули не мы, – Иган застыл на месте и, не отводя взгляда от кружащих над деревьями птиц, снял винтовку с плеча, – чтобы выгнать воронье под такой ливень, требуется довольно веская причина.

Двое мужчин застыли, готовые к бою, сквозь прицелы своего оружия всматриваясь в темнеющий подлесок. Еще один всплеск криков и хлопанья крыльев раздался совсем неподалеку.

– Иган, надо уходить! – громко зашептал Лемех, пятясь к обрыву.

– Куда? Тем более, что ребятам даже на джипе уйти не удалось. Или ты бегаешь быстрее него? – парировал тот и, быстро перебежав открытое пространство, присел за боль-

шим мшистым валуном, – давай! Пошел вперед!

Все-таки военная выучка сидела в Лемехе очень крепко, и он, не говоря ни слова, мгновенно подобрался, пригнулся и беззвучно побежал вперед, стараясь держаться позади камней. Припав на колени у поваленного дерева, он внимательно осмотрел лес и дал знак, что можно двигаться дальше.

Иган сделал еще одну перебежку.

– Чисто, – он махнул рукой, – пошел!

Реакции не последовало.

– Лемех, двигай же! – Иган повернулся, чтобы посмотреть, почему он там мешкает...

Вспышка молнии осветила лицо Лемеха мертвенно-белым светом, но она длилась лишь мгновение, а его лицо и после нее осталось бледным как мел. Рот его приоткрылся, да так и застыл, будучи не в силах издать хоть какой-нибудь звук. Остекленевшие от ужаса глаза, не мигая, смотрели на что-то, находившееся у Игана за спиной.

Иган не прожил бы на свете и половины того срока, что успел отмерять к этому времени, если бы в подобных ситуациях тратил время на выяснение подробностей. Спасительные рефлексy, вьeввшиеся за долгие годы уже в самую плоть и кости, швырнули его тело в сторону. В тот же миг валун, за которым он прятался, с треском взорвался, разлетевшись на куски в туче пыли и искр. Иган не стал дожидаться продолжения и, перекатившись, прыгнул снова, спеша укрыться среди ближайших деревьев. Краем глаза он успел заметить,

как Лемех, очнувшись от столбняка, вскинул к плечу штурмовик.

Ярко-белая с фиолетовым отливом вспышка ослепила даже сквозь закрытые веки, хотя пуля взорвалась где-то в нескольких метрах правее. Иган крутанул головой, пытаясь сообразить, во что стрелял Лемех, но поскользнулся на мокром камне и упал навзничь. И вовремя! Две молодых осины, рядом с которыми он стоял, брызнули россыпью щепок и, кувыряясь, отлетели в сторону, оставив после себя пару измочаленных пней. Не было ни взрыва, ни огня, ничего, только лицо его обдало порывом морозного воздуха.

– Да что же это такое, черт подери!.. Ай! – еще одна фиолетовая вспышка полыхнула у Игана над головой, испепелив верхушку небольшой сосны и отпечатавшись на сетчатке желтыми кругами «зайчиков».

Полуслепой и слегка оглохший от громкого хлопка близкого разрыва, Иган кое-как поднялся на ноги и, хватаясь руками за обледеневшие кусты, начал пробираться в сторону что-то кричащего Лемеха. На голову сыпались листья вперемежку с тлеющими угольками и ледяной крупой. Раздался еще один выстрел и окружающий лес снова озарило сюрреалистическим лиловым светом, на миг превратив его в гравюру полубезумного художника. Сверкающие мокрые стволы деревьев, повисшие в воздухе бриллианты дождевых капель, застывшая в полете дымящаяся гильза от штурмового патрона и сам Лемех, откинувшийся назад, чтобы у равнове-

сильную тяжелую винтовку и разевающий рот в беззвучном крике...

В следующее мгновение мир снова ожил. Гильза со звоном упала на камни, порыв холодного ветра бросил дождевые капли в лицо, а тоненькие деревца перед самым носом Игана вдруг дружно дернулись и начали валиться набок, словно срезанные невидимой косой...

* * *

Гонг дверного звонка гулким болезненным эхом отозвался в гудящей с утра голове. Страдальчески поморщившись, Иган захлопнул крышку мусоросборника, куда сгребал остатки вчерашнего гуляния, и, вытерев руки о штаны, поковылял в прихожую.

Проходя мимо окна, он бросил короткий взгляд на улицу сквозь щель между шторами.

Перед воротами стоял роскошный черный лимузин, такой длинный, что, пожелай Иган поставить его в свой гараж, багажник остался бы торчать снаружи. Возле калитки с ноги на ногу переминалась широкоплечая фигура в строгом костюме. Покрутив головой по сторонам, фигура снова протянула руку к кнопке звонка. Иган метнулся к входной двери, но опоздал.

– Одного раза вполне достаточно, я не глухой! – крикнул он, спускаясь по ступенькам крыльца.

Человек в костюме поспешно отдернул руку от звонка и спрятал ее за спину. В другой руке он держал пухлый кожаный портфель.

Шагая по тропинке к воротам, Иган все гадал, кто же это к нему пожаловал. В последние годы он редко принимал гостей. Иногда казалось, что кроме проверяющих из службы исполнения наказаний его персону никому более не интересна. И уж точно никто и никогда не подкатывал к его дому на такой роскошной машине.

Приблизившись к калитке, Иган невольно притормозил, поскольку смог лучше разглядеть незваного посетителя, отчего ноги сами собой попытались перейти на строевой шаг. В какой-то момент он даже забеспокоился, а не хватил ли накануне лишку, ибо появление этого человека на пороге его дома изрядно смахивало на галлюцинацию. Да, армейский китель сменился деловым костюмом, в густой шевелюре добавилось седины, но обознаться было решительно невозможно.

– Э-м-м... адмирал? – Иган с трудом поборол искушение ущипнуть себя за руку.

– Точнее, экс-адмирал, – промеж легендарных кустистых бровей на миг пролегла недовольная складка, – Саир Кехшавад к Вашим услугам. А Вы – Иган Бросковец?

– Допустим, – первый шок уже отошел, и к Игану вернулась его привычная язвительность, не признававшая никаких чинов и званий, – чем обязан?

– Я бы хотел с Вами переговорить.

– О чем.

– У меня есть для Вас деловое предложение.

– Я – вольный художник и уже давно не работаю по найму.

– Вы меня неправильно поняли, – торопливо заговорил

Кехшавад, увидев, что его собеседник собрался развернуться и уйти, – я хотел бы поручить Вам одно дело, требующее Ваших особых талантов.

Секунду помедлив, Иган вышел за калитку и, скрестив руки на груди, встал на тротуаре рядом с адмиралом. Тот оказался на полголовы ниже, а потому у Игана без особого труда получилось смотреть на него сверху вниз. Он выдержал паузу, демонстративно рассматривая своего собеседника. Хотя, если подумать, со стороны их бессловесная борьба смотрелась, наверное, довольно жалко. Экс-зверолов против экс-главнокомандующего – два вышедших в тираж старика тшатася что-то из себя изобразить...

– Излагайте, – буркнул Иган, наконец.

– Не здесь.

– Почему же?

– Во-первых, это может занять некоторое время, а во-вторых, я бы хотел говорить с Вами без свидетелей.

– Вот как? Интересно, – Иган приподнял бровь, – а что дает Вам основания полагать, будто у стен моего дома нет глаз и ушей? Вы же знаете, как оно бывает...

– Ты такой же гостеприимный, как и всегда! – неожиданно

послышался хрипловатый голос из-за спины.

Ох, черт! Вот что значит дорогая машина. Иган даже не слышал, как открылась дверь.

Он неторопливо развернулся и смерил взглядом рослую костлявую фигуру в старомодном и дорогом костюме-тройке. Из-под седых бровей его в ответ изучали глубоко посаженные глаза, за которыми чувствовалась сила и недюжинный интеллект. Грива белоснежных волос и массивный крючковатый нос делали человека похожим на грозного орлана, ясно давая понять, что тем, кто рискнет перебежать ему дорогу, не поздоровится.

– Я же предупреждал, что у Вас ничего не выйдет, – кивнул он Кехшаваду, – для Игана все авторитеты – пустой звук. Он и перед Королевой Галактики будет спокойно сидеть и в носу ковыряться.

– Не переживайте, встану я... когда она мой диван пылесосить начнет.

– Я рад, что ты ничуть не изменился, – трескуче рассмеялся седой, – Здравствуй, Иган!

– Привет, Серго!

Двое мужчин заключили друг друга в крепкие объятия.

– Ух ты, какой здоровенный! – восхищенно прищелкнул языком Серго, почти уткнувшись своим внушительным носом в одну из фотографий, которыми была увешана вся стена кабинета, – это Синий Шипопер, верно?

– Он самый, – кивнул Иган, сидя за столом и покачивая вино на дне бокала.

– Красавец! – Серго чуть отодвинулся, чтобы окинуть взглядом всю картинку, – а кто тут рядом с тобой стоит?

– Пярво.

– Койдулайнен?

– Ага. Ты его знаешь?

– Наслышан, но лично не встречался.

– И уже не встретишься, – Иган наклонился вперед, потянувшись за бутылкой.

Серго несколько секунд осмысливал его слова, после чего негромко спросил:

– Когда?

– В прошлом году.

– На Охоте?

– Если бы! – Иган пригубил вино, – дома, в постели. Передозировка снотворного.

– Самоубийство?

– Нет, не похоже. Просто что-то напутал с таблетками... и не проснулся.

– Какая яркая жизнь, и какая нелепая смерть, – вздохнул Серго и тоже отпил из бокала, – нас, стариков, с каждым годом остается все меньше и меньше.

– Так уж устроен наш мир.

– Я понимаю, но на душе все равно тоскливо, – он двинулся дальше вдоль стены, изучая старые фотографии.

Почти все известные обитаемые миры, десятки удивительных и невероятных животных, и люди, ставшие легендой – здесь, в этих прямоугольных рамках, была собрана почти вся история Звероловов. Гении-одиночки, что возвели ловлю диких зверей в ранг искусства, и своей жизнью, а, зачастую, и смертью доказывавшие свое право творить его так, как не дано никому другому. За своей добычей они поднимались в небеса и спускались в преисподнюю, выживая даже там, где, подчас, сама Жизнь была невозможна. Возвращались не все. Но если возвращались, то не с пустыми руками, а с очередным живым свидетельством того, что даже самая безумная человеческая фантазия – ничто в сравнении с изобретательностью Природы.

Увы, но Время не стоит на месте и никого не щадит. Самой свежей из фотографий было уже почти пятнадцать лет.

– А это кто? – очередной вопрос Серго оторвал Игана от раздумий.

– Ты что, не узнаешь? – удивился он, – это же Вонючий Голландец.

– Винс? Тьфу черт, не узнал. За последние годы он здорово изменился.

– Когда ты его в последний раз видел?

– Весной, на открытии нашего филиала.

– И как он?

– Неплохо, – Серго распрямился и досадливо поморщился, когда в спине что-то хрустнуло, – за свою карьеру он за-

работал столько денег, что ему хватит еще на несколько реинкарнаций. Остепенился, растолстел, расхаживает везде с тростью из кораллового дерева и вполне доволен жизнью.

– Доволен жизнью!?! – фыркнул Иган, – ты с ним хоть немного поговорил? Ты в глаза ему смотрел?

– У нас было довольно насыщенное мероприятие, мы только обменялись парой дежурных фраз.

– А если бы посмотрел, то увидел, что он с радостью отдал бы все свои деньги и трость в придачу, чтобы еще разок пробежаться по диким джунглям и заарканить какого-нибудь гада, да позатейливей, чтобы у всех глаза на лоб повылазили.

– Пробежаться? При его-то комплекции? – Серго прыснул, и тут же зашелся в приступе кашля, сложившем его почти пополам. Кехшавад, безучастно сидевший до того на диване в углу, привстал, чтобы помочь, но был остановлен на полпути раздраженным взмахом руки.

– Не надо, все в порядке, – просипел Серго, вытирая губы носовым платком, – видишь, Игги, и я туда же. Годы ни для кого не проходят бесследно... кроме тебя.

– Да брось ты! – отмахнулся Иган, – я тоже по утрам скриплю, как старая мельница на ветру.

– Не прибедняйся! Мы вчера были в «Зоопланете» и видели тебя, так сказать, «в деле», – Серго сделал многозначительную паузу, – я впечатлен! Я и в самом расцвете сил так не отплясывал. Завидую.

– Зависть – личное дело каждого. Твое амплуа всегда было

иным – ты не суетился, ты мыслил. Ты всегда был стратегом, не тратя времени и сил на бессмысленный риск и ненужную беготню. Все спланировать, точно рассчитать, распределить роли, а потом нажать одну-единственную кнопку – таков был твой стиль. Некоторые, помнится, обвиняли тебя в том, что ты загребаешь жар чужими руками, но по мне не так важно уметь поставить силок, как знать, *когда* и *где* его поставить. Это я, молодой жизнерадостный идиот, пытался все делать самостоятельно, втайне мечтая когда-нибудь набраться такого же опыта и мудрости как у тебя. И, в очередной раз лежа в больничной палате, я, обмотанный бинтами с ног до головы, тоже тебе завидовал. Так что, можно сказать, мы квиты.

– Добро! – усмехнулся Серго, – как бы то ни было, нам обоим есть, что вспомнить, верно? – он двинулся дальше вдоль стены с фотографиями и остановился около витрины, на стеклянных полочках которой были разложены всевозможных форм и размеров когти, клыки и прочие колюще-кусающие штуковины.

– Хм, – он наклонился вперед, изучая надписи на бирках, – зная твой послужной список, я предполагал, что лекция будет побогаче.

– Ты же знаешь, образец должен быть доставлен неповрежденным, – Иган даже немного оскорбился, – я же не коновал и не стоматолог, в конце концов. Это витрина не моей славы, а, скорее, моего позора. Меня несколько извиняет лишь то, что почти все экспонаты, что ты видишь, перед тем,

как сюда попасть, успели попробовать меня на вкус.

– О, да! – Серго поежился и отошел от витрины, – ради сохранения шкуры очередного питомца ты с готовностью жертвовал собственной целостностью. О твоей коллекции шрамов тоже легенды ходят. Тебе еще крупно повезло, современная медицина творит чудеса. Родись ты на сотню лет раньше, то прославиться просто не успел бы. Думаешь, оно стоило тех денег?

– Дело не в деньгах. Я прекрасно понимаю, что даже самый привередливый клиент не полезет в пасть Нью-сахарского песчаного змея, чтобы проверить, на месте ли все его четыреста-не-помню-сколько-точно зубов. Дело во мне самом, в моем отношении к своей работе. Я – Зверолов, и если я хочу и впредь произносить это слово с большой буквы, то не вправе позволить себе опускаться до халтуры.

– Вот поэтому-то почти все мы и вымерли, – Серго опустился в кресло, поставив пустой бокал на стол, – художники еще остались, но вот ценители перевелись. Искусство в наше время никому не нужно, нужны гарантии. Нужна поставка в оговоренные сроки и за приемлемую цену. Эксклюзива почти не осталось, все поставлено на поток. Наше время ушло.

– «Наше»? – фыркнул Иган, – мое – да, а вот ты как раз очень даже вовремя оседлал эту волну. Твой «Экзотик парк» прибрал к рукам почти весь рынок. У вас даже установлены фиксированные расценки на отлов конкретных видов животных. Как на конвейере – толпа народу, тонны оборудования,

а потом два выстрела – и дело в шляпе, так?

– И нечего так иронизировать, Игги, нам тоже есть, чем гордиться. Наша методика тщательно отработана и многократно испытана на практике. Первый выстрел внедряет под кожу радиомаяк и экспресс-анализатор биохимии, а второй доставляет к цели точно рассчитанную дозу транквилизатора. Быстро и надежно.

– Фу-у-у! Оставь свои рекламные лозунги для кого-нибудь другого! Я в них никогда не поверю. Даже за примером далеко ходить не нужно – как бы твои сосунки справились с тем же Онарийским леопардом?

– Ладно, согласен, с ним такой подход не прокатит, но в большинстве случаев...

– Серго, твоему голосу что-то недостает убежденности, – усмехнулся Иган, – а вот я могу привести еще с десятков примеров. Мне начинать?

– Хорошо, уговорил, – вздохнул Серго, – по правде говоря, в брак уходит более половины добычи. Но даже с учетом этого, то, что остается, приносит очень неплохую прибыль. Надеюсь, ты понимаешь, что эта информация не предназначена для посторонних ушей?

– Можно подумать, ты мне глаза открыл. Я и раньше все это прекрасно знал.

– Извини, Иган, я понимаю, что в какой-то мере причастен к тому, что звезда Звероловов-одиночек закатилась, но у меня не оставалось выбора. Либо, как ты выразился, осед-

лать волну, либо, подобно остальным, прозябать в забвении.

– Ну, насчет забвения ты несколько поторопился, – Иган снова наполнил свой бокал, – когда речь заходит, скажем, о скрипках, то на ум сразу приходят имена Страдивари или Гварнери, но никто почему-то не вспоминает о Пятницкой фабрике струнных инструментов. В названиях трех видов животных, что я отловил, присутствует мое имя, а чем может похвастать «Экзотик парк»?

– В таком вот аспекте? Хм, пока ничем.

– Вот так-то! – Иган толкнул бутылку через стол в сторону Серго и удовлетворенно откинулся назад, держа наполненный бокал в руке, – так что мое самолюбие в полном порядке. Живу – не тужу и не жалуясь.

– Что ж, на мой взгляд, ты это вполне заслужил.

– А вас самих-то, каким ветром в наше захолустье принесло?

– Посещали коллег из «Зоопланеты» с дружественным визитом.

Обменивались опытом. Заодно решил и к тебе заглянуть.

– Так, значит, это вы там вчера гостили! Здорово! Обмен опытом у вас, должно быть, получился что надо, – Иган улыбнулся, – интересно, как они там перед вами выкручивались?

– Все мы не без греха. И в нашем Парке эксцессы случаются. Когда я, наконец, это им втолковал, то стало немного полегче, а то сидели все с перекошенными физиономиями как

после инсульта. Да и ты не подкачал! Обошлось, в общем.

– А что с тем, раненым, не узнавал?

– Звонил сегодня утром, интересовался – все будет в порядке. Пара шпилек в голень, несколько швов и две недели инъекций в мягкое место. Можно сказать, еще легко отделался.

– Хорошо, – Иган отпил вина, – вы тут, помнится, что-то говорили про деловое предложение. У вас действительно что-то есть? И какая связь между «Экзотик парком» и... – он мотнул головой в сторону застывшего на диване Кехшавада, – ваш дуэт представляется мне несколько... *неожиданным*.

– Если честно, то есть у меня одна мечта, не дающая спокойно спать, – Серго говорил неторопливо, словно осторожничал, аккуратно подбирая слова, – и в твоей коллекции недостает одного экспоната. Еще одного охотничьего трофея.

– И что же это за зверь такой, о котором я не знаю?

– Напротив, ты его очень хорошо знаешь, – Серго пристально посмотрел Игану в глаза, – Эрамонт.

При упоминании этого имени бокал в руке Зверолова заметно дрогнул. Иган осторожно поставил его на стол.

– Исива – трепло! – недовольно буркнул он.

– Исива Эрагоши? – уточнил Серго.

– Она, она, кто же еще!

– Откуда вдруг в тебе столько желчи?

– По-твоему я должен расплываться от счастья при каждом упоминании об особе, которая бессовестно присваивает себе все лавры первооткрывателя, даже не переступая порога своего кабинета? – Иган раздраженно фыркнул, – могу повторить, даже прилюдно – она воровка и трепло!

– Тем не менее, надо отдать ей должное. Профессор проделала колоссальную работу по систематизации той лавины сведений, что добывали я, ты и нам подобные.

– Ага, и при этом она регулярно забывала упоминать об источниках этих самых сведений.

– Ты лукавишь, Игги, – Серго погрозил ему пальцем, – как правило, мы сами не желали излишней огласки, так что не надо. Ты ведь сам говорил, что результат важнее сопутствующего ему шума, а составленные Исивой каталоги по сей день являются главной настольной книгой любого ксенобиолога.

– В этих каталогах уйма неточностей!

– Это еще не повод устраивать ей такую обструкцию.

– Да бог с ними, с каталогами! Тщеславия у меня нет, так что оно меня и не беспокоит, но вот чего я ей простить не могу, так это ее упражнений в литературном творчестве. Сплошное вранье от начала и до конца.

– Ах, вон оно что! – воскликнул Серго, – но позвольте, она же не жизнеописания нам писала. Она никогда не упоминала реальных имен, никогда не выдавала свои очерки за документальные. В чем проблема?

– Ну не люблю я ее и все тут! – Иган тряхнул головой, –

чего ты с ней ко мне пристал?

– Ее каталог на сегодня – самый полный и наиболее достоверный источник сведений об иноземной фауне. С этим-то ты хоть согласен?

– На безрыбье и рак – рыба.

– Сойдет за утвердительный ответ, – Серго удовлетворенно кивнул, – в шестом томе она подробно описывает обитающего на Пракусе гигантского ящера – Эрамонта. Я хочу, чтобы ты его поймал.

– Если ты помнишь, этот том посвящен животным, в отношении которых Исива так и не сумела найти достоверных подтверждений и фактов. Эрамонта никто никогда не видел. Он – миф! – Иган вдруг усмехнулся, – и этот сказочно-легендарный монстр ей почему-то так приглянулся, что она даже вставила в его название собственное имя! Вот уж у кого проблемы с тщеславием!

– У меня нет ни малейших сомнений в том, что Эрамонт реален!

– Пф-ф-ф! Ты хочешь сказать, что где-то и в самом деле бродит зверь, которого можно увидеть только в свете вспышки молнии?

– Мистическую мишуру давай отбросим...

– Зверь, обитающий одновременно как в мире живых, так и в мире мертвых, и которого посему невозможно убить?

– Ну-у...

– Тот, кто питается душами своих поверженных против-

ников?

– В общем и в целом, да.

– Знаешь, Серго, ты и впрямь здорово постарел, – Иган сокрушенно покачал головой, – у Исивы столь буйная фантазия, что ей хоть иногда следовало бы принимать успокоительные пилюли. Но ты! С тобой-то что случилось? Седина в бороду – кокс в ноздрю?

– В чем проблема?

– Еще раз с самого начала: Эрамонт – миф, легенда, коих вокруг вьется бесчисленное множество. Мог бы выбрать, по крайней мере, какую-нибудь посимпатичнее. Лесную нимфу или русалку, например. На них бы я поохотился с удовольствием! Но Эрамонт – увольте!

– Тебе, Иган, не впервой материализовывать легенду, ты на этом деле собаку съел. Помнишь, один умник из Университета Голдштейна даже защитил диссертацию, в которой с формулами и диаграммами убедительно обосновывал принципиальную невозможность существования Урагонского скорпиона. Одно из самых теплых воспоминаний, что греют мне душу на старости лет – это выражение его лица в тот момент, когда ты прямо ему на стол с грохотом водрузил клетку с означенной тварью, – Серго не выдержал и засмеялся, но тут же был сражен новым приступом кашля.

– Да что же это за жизнь такая! – прошептал он, отдышавшись, – даже посмеяться толком нельзя! Ну, так чем же тебе не нравится мое предложение? Согласись, коготь Эрамонта

прекрасно бы смотрелся в твоей витрине!

– Ты пришел не по адресу, – помотал головой Иган, – если подобные идеи не дают тебе спокойно спать, то прими лучше снотворное, только не переусердствуй. Или обратись во «Вселенскую Кунсткамеру», у них в экспозиции даже рога Единорога имеется, а я жульничеством не занимаюсь.

– Кто говорит о жульничестве?

– А что же это, по-твоему, такое!? Эрамонта не существует. Точка, – в голосе Игана зазвенело неприкрытое и даже агрессивное раздражение, – Я допускаю, что досужие выдумщицы, как это уже не раз случалось, могли наградить подобными мистическими свойствами вполне реальное животное, но я о таком ничего не знаю. Все известные науке виды можно найти, по крайней мере, в виде голограмм, в твоём «Экзотик парке». Если кого-то нет у тебя, то его нет вообще. Все.

– Спасибо на добром слове, но реальная ситуация, конечно, далека от обрисованной тобой идиллии.

– В запасе у тебя всегда есть толпа увешанных аппаратурой молокососов. Два выстрела – и Эрамонт твой. Разве не так?

– Кончай топтать мою больную мозоль! – Серго состроил жалобную гримасу, – ты, как всегда, прав, по сравнению с тобой они сосунки, но основная загвоздка не в этом.

– А в чем?

– Ты же знаешь, Пракус закрыт на строгий карантин.

– Тебя это остановит?

– Нет, конечно, но я не всемогущ. Я не могу протащить туда тайком целую роту. Небольшой шустрый кораблик, Зверолов-одиночка и пара-тройка человек для технического обеспечения. Это максимум, что можно сделать, не навлекая на себя серьезных неприятностей.

– Но почему для своей бредовой затеи ты выбрал именно меня? По правде говоря, мне даже несколько оскорбительно, что ты всерьез полагаешь, будто я соглашусь заняться этой чушью.

– Только ты способен с ней справиться. Ты был одним из лучших! А теперь ты, похоже, вообще единственный, кто еще на что-то способен, и вчера я лишний раз в этом убедился.

– Ну вот, теперь ты сам опустился до банальной лести. Не пытайся играть на моем тщеславии, я же сказал, что у меня его нет. Тем более что я не был одним из лучших, я был *лучшим*.

Никакого бахвальства, даже намек на гордость не прозвучало в словах Зверолова. Просто сухая констатация очевидного факта.

– Какая же это лесть, Игги, это горькая правда, – Серго опустил глаза и какое-то время молча изучал собственные руки, потом заговорил снова, – мне нужна твоя помощь. Я хорошо заплачу.

– Интересно! – Иган поерзал в кресле, устраиваясь по-

удобнее, словно собирался выслушать длинную и интересную историю, – во сколько же ты оцениваешь свою маниакальную затею?

Серго одними губами произнес сумму, способную кого угодно превратить в овощ, поскольку, обладая ею, отрывать зад от дивана и делать что-либо самостоятельно было бы уже излишне.

– Половину сразу, как только дашь согласие, вторую половину – в случае успешного исхода. Что скажешь?

– Внушает! – Зверолов прищелкнул языком, – но делу не поможет. Я финансовых проблем не испытываю. Тем более, вряд ли твои деньги настолько заинтересуют Миф, что он снизойдет до нашего грешного мира.

– М-да, я на успех особо и не рассчитывал. Ты всегда был к деньгам равнодушен, – Серго толкнул бутылку обратно, – ладно, скажи мне сразу: есть ли у меня хоть один шанс уговорить тебя согласиться на мое предложение?

– Ни единого! – Иган наполнил свой бокал и поднял его, – так что, если мы с этим пунктом повестки разобрались, то я предлагаю пропустить еще по рюмочке!

– От рюмочки я, пожалуй, не откажусь, но вот разговор о моем предложении еще не закончен.

– Я же сказал тебе, что не возьмусь, и уговаривать меня бесполезно. Не трать зря время.

– Я и не собираюсь...

– Так в чем же дело?

– ...этим займется Саир, – Серго кивнул в сторону своего спутника, – поскольку мне некоторые вещи говорить и делать не позволяет наша с тобой давняя дружба. Извини, Игги, но ты меня вынудил, хотя я другого от тебя и не ожидал. Вам слово, адмирал!

– Хм, звучит зловеще, – нахмурился Иган.

– Господь с Вами! – всплеснул руками Кехшавад, поднимаясь с дивана, – я хоть человек и военный, но стараюсь по возможности избегать ненужного насилия, поскольку полагаю, что деньги и правильные слова гораздо эффективнее. Но, раз деньги не сработали, то, с Вашего позволения...

– Что ж, валяйте.

Кехшавад кивнул и шагнул к столу.

– Для того чтобы лучше донести до Вас, господин Бросковец, всю серьезность наших намерений, – начал он, вдумчиво и неторопливо проговаривая каждое слово гулким рокочущим басом, – мне придется совершить небольшой экскурс в относительно недавнее прошлое.

– Будьте так любезны.

– Благодарю. В свою бытность Звероловом, Вы не ограничивались одной только Охотой. Как и многие другие, вы давали консультации, проводили мастер-классы для желающих пойти по Вашим стопам, а также занимались организацией и проведением сафари по полям и весям других планет. Как личность известная, Вы могли позволить себе придиричиво выбирать клиентов и брать с них за услуги немалые деньги.

Вашей специализацией были VIP-туры, причем иногда настолько специфические и экзотические, что Ваши действия порой даже расходились с законом.

– Если Вы собираетесь меня шантажировать, то давайте факты, – усмехнулся Иган, – иначе не подействует.

– Боже упаси! – недовольно поморщился адмирал, – какой шантаж!? Там все уже давно мхом поросло, кроме того, Ваши клиенты являются столь влиятельными людьми, что я уверен – никаких фактов отыскать уже невозможно. Никому из них не нужен лишний компромат.

– Тогда почему Вы об этом заговорили?

– Я хотел бы поподробнее остановиться на Вашей последней экспедиции, имевшей место около пятнадцати лет назад, и так трагически окончившейся. Экспедиции на Пракус.

– А что в ней такого интересного?

– Во-первых, как уже было отмечено, Пракус – закрытая планета, находящаяся на строжайшем карантине. Несанкционированное проникновение на нее является серьезным преступлением.

– Я в курсе, свой срок лет я отрубил от звонка до звонка, так что теперь мы с законом в расчете. Давайте дальше.

– Во-вторых, экспедиция была весьма представительная – восемь охотников, в числе которых два сенатора и один министр, плюс три человека obsługi и четверо Звероловов-проводников.

– Что-то Вы заговариваетесь, – Иган прищурился, – на-

сколько я помню, из серьезных шишек там был всего лишь один помощник министра.

– Все верно, официальная версия звучит именно так, но в закрытых материалах следствия рассматриваются события, весьма серьезно от нее отличающиеся. Спецслужбы с ногами сбились, в спешном порядке вырабатывая убедительные легенды, объясняющие одновременную смерть трех высокопоставленных чиновников. Отравление, авиакатастрофа и сердечный приступ, причем указанные события для отвода глаз еще разбросали по всей Галактике и немного разнесли во времени. Потом еще пришлось придумывать объяснение, почему человека, скончавшегося от сердечного приступа, хоронили в закрытом гробу. На самом-то деле в могилу тогда опустили пустой гроб, хоронить попросту было почти нечего.

– Экие страсти Вы рассказываете!

– Не страсти, а факты, – Кехшавад поднял вверх узловатый палец, – и один из этих фактов состоит в том, что вы оказались единственным, кто вернулся с Пракуса живым.

– Строго говоря, назвать меня тогда живым можно было только с очень большой натяжкой. Хирурги буквально сшивали мое тело из отдельных кусочков. Я даже подозреваю, что по окончании операции у них на столе, по обыкновению, остались лишние детали.

– Надо отдать им должное – то, что получилось в итоге, выглядит и функционирует вполне неплохо.

– Это сейчас, – махнул рукой Иган, – а поначалу мне пришлось заново учиться говорить, самостоятельно есть и справлять естественные потребности. Я осваивал свои собственные конечности как нечто чуждое, как приделанные к туловищу механические манипуляторы, тем более что первое время мои руки почти ничего не чувствовали. Даже потом, уже после суда, я еще два года передвигался по тюремным коридорам вот на этой штуковине.

Послышалось негромкое гудение, и Иган выехал из-за стола на своем кресле, оказавшемся инвалидной каталкой на четырех колесиках.

– Чертовски удобная штука, – он ласково погладил кожаный подлокотник, – никак не могу отвыкнуть!

Улыбнувшись, он лихо развернулся кругом и вернулся на свое место за столом.

– Тем не менее, – продолжил Кехшавад, – несмотря на Ваше состояние, следователи не спешили оставлять Вас в покое. Смерть таких влиятельных людей, да еще при весьма странных обстоятельствах, не позволяла им расслабляться.

– К сожалению, я так и не смог им ничем помочь. После двух месяцев комы я даже свое имя-то с трудом вспомнил.

– Да, амнезию Вы изобразили убедительно.

– Ничего я не изображал!

– В любом случае, Вам никто не поверил, как не верю и я. В тюрьме среди охранников, что обслуживали Ваш сектор, постоянно присутствовали агенты спецслужб, Вам даже под

видом сокамерника их человека подсаживали. Вы почти все двенадцать лет заключения оставались у них под колпаком. Вас и освободили досрочно лишь потому, что махнули на Вас рукой, отчаявшись хоть чего-то от Вас добиться.

– И тут за дело беретесь Вы?

– Заверяю Вас, господин Бросковец, я никоим образом с ними не связан!

– Тем не менее, Вы очень хорошо осведомлены о вещах, должных, по Вашему собственному же утверждению, храниться в строжайшем секрете.

– В силу своего служебного положения я имел неограниченный доступ к такого рода сведениям. Кроме того сенатор Парчин был моим давним другом, – адмирал наклонился вперед и понизил голос почти до шепота, – так что Вы даже не представляете, *насколько* хорошо я осведомлен. Я не пропускал ни одной крупницы информации, касающейся обстоятельств его гибели.

– Но, коли вы и так все прекрасно знаете, то зачем вам я? – Иган вопросительно развел руками, – мне нечего добавить к Вашей истории.

– А мне от Вас никакой новой информации и не нужно. Я просто хочу немного освежить Вашу память, – Кехшавад выпрямился, – продолжим?

Возможно, именно тут и пролегал тот самый Рубикон, на берегу которого следовало развернуться и послать Серго с его угрюмым спутником куда подальше, и жизнь Игана про-

должила бы свой неспешный бег, но он никогда не сворачивал с дороги, на которую однажды ступил. Он всегда шел до конца, даже когда знал, что ничем хорошим это не кончится. Иначе он не был бы самим собой. Иган кивнул.

– Продолжим.

– Хорошо. Не вдаваясь пока в ненужные подробности, скажу кратко: четырнадцать человек погибли. Причем, при довольно загадочных обстоятельствах.

– Повторяю, мне известно только о шести трупах.

– Я не буду с Вами спорить. Лучше, как говорится, один раз увидеть, – Кехшавад поставил на стол свой портфель. Выудив из его глубин пухлый конверт, он достал из него пачку фотографий и бросил на стол перед Иганом, – здесь все четырнадцать. Большую часть из них можно опознать. При желании, можно провести независимую экспертизу, которая покажет, что все они сфотографированы в одно время и в одном месте. И место это – Пракус.

Иган скосил глаза и осторожно глянул на фотографии. Потом протянул руку и немного поворошил пачку. На всех снимках повторялся один и тот же жуткий сюжет – разбросанные в сочно-зеленой траве кровавые, обезображенные клочья, бывшие когда-то людьми.

– У меня еще есть Ваша фотография. На операционном столе. Желаете взглянуть?

– Нет, спасибо, – Иган отрицательно помотал головой, – мне хватает моего отражения в зеркале.

– Отлично! Я смотрю, Ваша память постепенно приходит в чувство, – адмирал впервые позволил себе намек на улыбку одним уголком рта, – двигаемся дальше. Одиннадцать трупов были обнаружены на территории разгромленного лагеря, еще два находились в изувеченном джипе, который каким-то образом оказался в глухой чаще леса, и остатки одного человека подобрали на краю обрыва в двух километрах к югу от лагеря. Вас, Иган, выброшенного на камни бурным потоком, нашли на дне этого ущелья. Израненного, но еще живого.

Троих погибших раздавило чем-то огромным прямо в палатке, но большинство жертв оказалось было просто разорвано на куски с использованием какого-то большого и очень острого оружия. Оно без особых проблем разрезало сталь и керамоткань, крошило в пыль камни, но, что странно, ни один анализ не смог обнаружить хотя бы ничтожные следы вещества, из которого оно сделано. В то же время, изучение повреждений показало, что в большинстве случаев наносившие удар лезвия группировались по три, а траектории, по которым они двигались, напоминают то, как дерет свою жертву разъяренный медведь. Только метров десять ростом.

– Значит, это был такой вот здоровый медведь, – окаменевшее лицо Игана, впрочем, не соответствовало той попытке сыронизировать, что содержалась в его словах.

– Это еще не все странности, – Кехшавад снова поднял вверх указательный палец, – при детальном исследовании останков дополнительно обнаружилось, что нанесен-

ные этими странными лезвиями раны имеют признаки воздействия очень низких температур. Как при использовании криоскальпеля. В итоге вырисовывается крайне занятая картина: мы имеем огромное, предельно острое и очень холодное оружие.

– Осталось найти маньяка, хранящего свой топор в морозильнике, и дело в шляпе!

– Вы все шуточки шутите, – в голосе адмирала звучал укор, – а люди с ног сбились, пытаюсь понять, что там произошло. Была составлена подробная карта перемещений каждого человека, вычислены траектории всех ста тридцати восьми пуль, выпущенных в то утро. Складывалось впечатление, что охотники просто обезумели и палили в белый свет. Кстати, в крови большинства погибших было зафиксировано крайне высокое содержание адреналина. Их действительно что-то жутко напугало.

В траве посреди поляны удалось найти двенадцать расплюснутых в лепешку пуль. Там не было ничего, обо что они могли так расплющиться. Ни-че-го!

– Ищите лучше.

– И спецслужбы искали. О, как они искали! И, чем больше фактов они собирали, тем настойчивей пытались хоть что-то вытрясти из Вас. Хотите знать, почему?

– А если я скажу, что не хочу, – криво усмехнулся Иган, – Вас это остановит?

– Я понял, продолжаю, – Кехшавад на секунду прикрыл

глаза, словно припоминая, на чем остановился, – Ваши клиенты были весьма искушенными в оружии людьми. В числе всего прочего, с собой в экспедицию вы прихватили две штурмовых винтовки ВГС-24 – отнюдь не предназначенная для охоты вещь. Разве что на динозавров. Так вот, одна из этих винтовок находилась у Егора Лемешева, когда он погиб рядом с ущельем. Перед смертью он успел сделать из нее восемь выстрелов. В округе нашлось только пять мест, куда попали выпущенные им пули. Куда делись еще три?

Дабы упредить Ваш очередной саркастический комментарий, поясню: при разрыве такой пули образуется локальное радиоактивное загрязнение. Несильное, но достаточное для того, чтобы обнаружить это место даже с орбиты. Так вот, три пули просто-напросто исчезли. В космос они улететь не могли. Где они? Во что стрелял Лемешев?

– Это риторический вопрос, я полагаю?

– Да-да, я знаю, – торопливо кивнул Кехшвад, – все это у Вас уже спрашивали и не раз, но так ничего и не добились. Я лучше не буду ходить кругами, а скажу прямо: мы считаем, что на вашу группу напал Эрамонт.

– Вашим логическим построениям можно только поаплодировать! – Иган повернулся к Серго, – это и есть твое стратегическое оружие?

– С Вашего позволения, я, все же, хотел бы закончить, – адмирал вновь привлек внимание к себе, – осталось немного. Кое-что, касающееся лично Вас, и объясняющее, почему к

Вашей персоне проявлялось столь пристальное внимание.

– Ладно, заканчивайте, только побыстрее.

– Хорошо. Во-первых, как я уже говорил, следователи составили карты перемещений для каждого человека. Так вот, Вы находились рядом с Лемешевым, когда он стрелял и когда он погиб. Вы не могли не видеть, в кого или во что он стрелял, и кто или что его убило.

– Извините, прозевал.

– Во-вторых, – Кехшавад пропустил мимо ушей замечание Игана, – Вас выловили из реки в жутком состоянии, но основную проблему представляла большая сквозная рана. Вас словно пронзили каким-то длинным, острым и, заметьте, также очень холодным предметом. Подобным тем, коими были растерзаны Ваши коллеги. Очень сложно не заметить, когда с тобой такое проделывают. Что скажете?

– Ничего.

– А как насчет обнаруженных на вашей одежде следов радиоактивного загрязнения от близкого разрыва пули, выпущенной из штурмовой винтовки?

– Я уже все сказал. Я ничего не помню.

– Ах да, амнезия! Но, быть может, Вам удастся восстановить в памяти хоть что-то, какие-нибудь обрывки воспоминаний, смутные образы, видения?

– Знаете, в тюрьме со мной работали следователи, мастера своего дела, не чета Вам. Они выжимали меня долго и старательно, но так ничего и не выжали. Я ничего не помню.

Точка.

– Я в курсе. Не знаю, какими кнутами они Вас охаживали, но в качестве пряника они предлагали даже изрядно скостить Вам срок – но все без толку.

– Во-во, – кивнул Иган, – вряд ли вы можете сделать мне более заманчивое предложение, так что сворачивайте свой балаган.

Кехшавад шумно вздохнул и, сунув руки в карманы, некоторое время, насупившись, рассматривал его из-под густых бровей. Потом повернулся к Серго с немим вопросом во взгляде. Ответом ему стало пожатие плечами, как бы говорящее: «...а разве у нас есть выбор?».

– Ну что ж, ладно, – адмирал снова открыл свой портфель, – Вы упрямы, но и мы не лыком шиты. Думаю, у меня найдется ножичек, чтобы вскрыть ту раковину, в которой вы просидели взаперти столько лет.

Он вынул из портфеля довольно увесистый футляр и долго колдовал над замком, прежде чем тот соблаговолил открыться, издав почти змеиное шипение всасываемого воздуха.

В этот миг сквозь тело Игана словно пропустили электрический разряд, как будто из-под откинутой крышки вырвалась и пронеслась по комнате невидимая ударная волна. Он невольно вздрогнул. За окном отчаянно завывала соседская псина.

– Что, тоже почувствовали? – хмыкнул Кехшавад, извле-

кая из глубин ящика сверток из черного бархата. Он осторожно положил его на стол и пододвинул Игану.

– Вот тот пряничек, что излечит Вашу проклятую амнезию.

Иган протянул к свертку руку, но еще на расстоянии почувствовал исходящий от него холод. По гладкой поверхности столешницы в стороны расплзлось запотевшее пятно.

– Что это? – неожиданно охрипший голос выдавал волнение Зверолова.

– Сами смотрите, только осторожно, – Кехшавад бросил сверху на сверток пару толстых защитных перчаток, – с теми, кто прикасался к этой штуковине голыми руками, впоследствии происходили разные досадные... *неприятности*.

– Какого рода? – рука Игана застыла в воздухе.

– Они умерли. Без каких-либо видимых причин.

Одев перчатки, Иган подтянул сверток к себе и медленно начал разворачивать плотную черную ткань, которая уже успела покрыться инеем. Один слой, второй, третий...

Но внутри открылась пустота.

Точнее не так, что-то там, несомненно, присутствовало, причем весьма массивное, но вот глаза утверждали обратное. Желая удостовериться, что это не галлюцинация, Иган протянул руку к призрачному предмету.

– Только осторожно! – послышался предупреждающий оклик адмирала, – она очень холодная, можно получить ожог даже в перчатках.

Просунув ладони под ткань, Иган нащупал твердую округлую пластину, около тридцати сантиметров в диаметре. Удерживая ее через плотный черный бархат, он поднял ее перед собой, надеясь, что никто не заметит, как дрожат его руки.

– О, Боже! – охнул он, и тут же в воздухе перед ним вспыхнуло белое пятно инея, вымороженного из его дыхания. Дохнув еще раз, Иган очертил контуры предмета. Это был неправильной формы чуть выгнутый диск, слегка зазубренный с одного края. Бледные струйки тумана стекали с него на стол и беззвучно разбежались в стороны. Кроме них только тающий на глазах иней выдавал его присутствие.

Иган впился в загадочную штуковину глазами, будучи не в силах ни отвести взгляд, ни выпустить странный предмет из рук, несмотря на то, что его пальцы уже начинали неметь от холода. Его сердце бешено колотилось, лоб покрылся бисеринками пота. Игана переполняло необъяснимое, иррациональное желание крепко прижать диск к себе, слиться с ним воедино, словно он был его возлюбленной. Ледяная пластина буквально высасывал из него душу, все глубже затягивая в свой студеный водоворот.

– Вы спрашивали, что это такое? – снова заговорил Кешавад, – наши горе-Эйнштейны предложили массу объяснений, которые на самом деле ни черта не объясняют. Самостабилизированный пространственный портал, локальная квантовая свертка, темпоральная сингулярность и прочий бред

в том же духе. Мой же ответ простой: это пластина из чешуи Эрамонта, маленький кусочек от шкуры Мифа. По всей видимости, ее вырвало выстрелом из ВГС-24. Видите, там, около края... Господин Бросковец!

Иган вздрогнул, очнувшись от наваждения, и почти уронил «чешуйку» на стол. Чертыхнувшись, он начал торопливо растирать заледеневшие пальцы.

– Я же предупреждал Вас, она очень холодная, можно заработать обморожение!

– Ничего, все в порядке.

– Так вот. Я говорю, там, около края есть выщербинка, – продолжил Кехшавад, – и это все, что смогла сделать с ней штурмовая винтовка. Вы же знаете, ее пули имеют сердечник из анитилития. Они пробивают все! Понимаете, ВСЕ! Таковы законы физики. А здесь они оставили лишь царапину. Думаю, не нужно объяснять, сколь живой интерес вызвал данный предмет и все, что с ним связано, у определенных структур?

– Откуда у Вас эта штука? – голос Игана предательски дрожал, – где Вы ее взяли?

– Спасатели нашли ее неподалеку от места, где погиб Лемешев. Ее пришлось буквально вырубать изо льда, которым там все заросло на несколько метров вокруг. Эдакий местечковый ледниковый период.

– Как она оказалась у Вас? Вы же, кажется, отошли от дел и более не имеете к спецслужбам никакого отношения?

– Взял на время, – адмирал улыбнулся, – ученые иногда чем-то напоминают маленьких детей. Если им не удастся найти внятное объяснение какому-то феномену, то они начинают делать вид, как будто его просто не существует, и старательно игнорировать, а то и уничтожать неудобные факты и свидетельства, намекающие на их некомпетентность. Так что заполучить этот чемоданчик было не так уж и сложно. Я сказал им, что мне требуется лекарство для лечения Вашей амнезии, и они с радостью мне его сбагрили. С глаз долой – из сердца вон, как говорится. Ну как, помогло?

– Они терзали меня допросами несколько лет, но ни разу даже словом не обмолвились о своей находке! Почему?

– Ну Вы же знаете, как оно бывает, Вами занимался один отдел, этой штукой – другой... Их собственная секретность порой работает против них самих, – Кехшавад протянул руку и, взявшись за уголок, подтянул кусок бархата с пластиной к себе и начал аккуратно ее снова заворачивать, – я, с вашего позволения, ее уберу, а то уже погода портится.

Иган обернулся к окну, где дневной свет начал меркнуть, буквально пожираемый низкими серыми тучами, затянувшими все небо.

– Да-да, Вы все правильно поняли. Именно поэтому приходится использовать вакуумированный контейнер – без него эта штука работает как своего рода портативное ненастье, и способна даже в Сахаре ливень вызвать. Только не спрашивайте меня, что, как и почему. Никто не знает.

Щелкнул, закрывшись, замок футляра, снова зашипел откачиваемый воздух, и Иган весь обмяк. Возбуждение, пронизывавшее все его тело, исчезло, будто его выключили. Адмирал убрал коробку в свой портфель и повернулся к Серго.

– Я закончил.

– Спасибо, Саир, – кивнул Серго, – оставь нас на минутку.

Кехшавад подошел к двери и бросил взгляд на Игана.

– Я сожалею, что доставил Вам несколько неприятных минут, господин Бросковец, но лекарство иногда бывает горьким, – он вышел, аккуратно притворив дверь за собой.

Довольно долго никто не решался нарушить заполнившую комнату тишину. Наконец, Серго со вздохом поднялся, хрустя суставами. Он подошел к окну и некоторое время молча смотрел на сад, освещаемый вечерним солнцем, пробившимся через редящую на глазах пелену облаков.

– Мне действительно, очень жаль, что я заставил тебя вспоминать, – негромко заговорил он, – но я должен был выковырнуть тебя из-под камня, где ты прятался столько лет.

– Но почему именно сегодня? Чего ты ждал все эти годы?

– Вчера закончился твой наблюдательный срок. Теперь ты можешь покидать планету, ни перед кем не отчитываясь, и не рискуя подцепить «хвост». У меня и без того трудностей хватает, тем более, что гриф секретности с материалов дела еще не снят. И так уже все колеса палками набиты.

– С каких это пор ты работаешь на власти?

– Все гораздо сложнее, Игги, – плечи Серго поникли, и

стало очевидно, что, в сущности, он уже глубокий старик, неуклонно сгибающийся под грузом прожитых лет, – да и что в нашем мире неизменно?

– Вот уж от кого, а от тебя я такого не ожидал.

– Это не важно, мне давно уже пора на покой. Увидеть бы Эрамонта хоть одним глазком, и я мог бы помирать спокойно, – Серго раздосадовано махнул рукой, – тьфу! Забудь об этом, ты лучше о другом думай.

– О чем же?

– У меня есть корабль, команда, оборудование, окно, чтобы проскользнуть на Пракус. Есть все, не хватает только тебя.

– Я не давал согласия.

– Я знаю. Я тебя не тороплю.

– С чего ты взял, что я изменю свое решение?

– Вспомни, что ты говорил сегодня про Винса, – Серго повернулся к Игану, – что отдал бы *ты* за то, чтобы выйти на тропу еще раз. Да, поезд давно ушел, оставив таких как мы прозябать на опустевшем перроне, но я даю тебе шанс. Пусть эта Охота будет последней, но вряд ли можно даже мечтать о более достойном завершении карьеры.

Да, я не смотрел Винсу в глаза, но в этом и не было нужды. Я прекрасно знаю, что бы я там увидел. Я каждый день вижу это в зеркале.

Тоску.

Мы не принадлежим этому миру, Игги. И никогда не при-

надлежали. Наши сердца навсегда остались там, в лесах, болотах, степях и джунглях. Нам остались лишь воспоминания о *настоящей* жизни. Я же знаю, что для тебя эти фотографии, – Серго указал на стену, – куда реальней того, что ты видишь за окном. Мы доживаем свои дни, подпитываясь воспоминаниями о былом. Мы больше не мечтаем, мы уже разучились грезить, строить планы, мы забыли, как это делается.

Мы угасаем, как посаженный в клетку дикий волк. У него есть все – еда, питье, мягкая подстилка, самка из соседнего вольера, но ему ничего это не нужно. И даже если кормить его насильно, он все равно умрет, медленно угаснет, с тоской в глазах взирая на мир за решеткой. В твоём взоре, Игги, я вижу то же самое. Ты отгородился от окружающего мира глухой стеной, высадил вокруг дома густой сад, чтобы не видеть безжизненного, каменного города, что наступает на тебя со всех сторон. Все бессмысленно, так ты не спасешь ничего из того, что было тебе дорого потому, что ничего уже не осталось. Ты точно так же постепенно угаснешь, как семя, которому не дали взойти, засыхает внутри своей скорлупы.

Но я даю тебе реальный шанс хоть ненадолго вернуться, еще раз вдохнуть полной грудью воздух дикой природы. Мне уже не дано испытать это самому, но у тебя-то сил еще хватит. И так ли уж важно, зачем я это делаю? Да хотя бы ради того, чтобы снова увидеть в твоих глазах тот огонь, что сверкал в них много лет назад.

Серго подошел к Игану и положил перед ним на стол свою визитку.

– Я не тороплю тебя с ответом, – он склонился к самому уху Зверолова, – но спроси себя сам: сможешь ли ты жить дальше, зная, что Судьбой тебе такая возможность была предоставлена, но ты ей не воспользовался?

* * *

...Окружающий мир рванулся из-под ног и стремительно ушел далеко вниз. Перед лицом Игана просвистели блестящие от воды листья, ветви упруго хлестнули по телу, выдернув из рук винтовку. Достигнув верхней точки траектории, движение замедлилось. Игана перевернуло вниз головой, задрав подошвы ботинок к грозовому небу. Боли он не чувствовал, остались лишь недоумение и полная дезориентация.

Сверкнула молния. Словно отвечая ей, внизу, между крон деревьев, полыхнула очередная лиловая вспышка. Игана тряхнуло и все быстрее поволокло назад в гущу деревьев. Перед глазами промелькнули расщепленные стволы, и в ту же секунду он ударился о землю с такой силой, что на какое-то время вырубился. Только армированный боевой бронекombineзон не дал ему превратиться в отбивную. Все та же неведомая сила поволокла его распластанное тело по камням, оставляя в них глубокую, щедро обогренную кровью борозду.

Лемех продолжал стрелять. Ничего не соображая, превратившись в обезумевший придаток штурмовой винтовки, он снова и снова нажимал на спуск, отправляя в пространство смертоносные заряды. Он видел, как безвольно болтающееся тело Игана опять поднялось в воздух и устремилось в его сторону. Руки сами собой передернули затвор, в перекрестии прицела на миг мелькнуло перемазанное грязью и кровью лицо. Лемех выстрелил.

Ослепленный яркой вспышкой он еще успел заметить, как Иган, кувыркаясь, отлетел в сторону и покатился по камням. В следующее мгновение совсем рядом ударила молния, и в остекленевших глазах Лемеха отразилась стремительно приближающаяся его собственная смерть.

Боль! Боль! Словно опомнившись, она нахлынула отовсюду сразу, разрывая тело и терзая мозг. Бушующий океан боли, на крутых волнах которого трепыхалась утлая лодчонка еле теплящегося сознания.

Иган застонал и открыл глаза, но застилавший все вокруг кровавый туман не позволял ничего толком разглядеть. Он лежал на правом боку, уткнувшись лицом в корявый булыжник, и совершенно не чувствовал своего тела. Оставались лишь боль и жуткий холод.

Боль – значит, он ранен, а холод намекает на большую потерю крови. Мозг лихорадочно пытался взять ситуацию под контроль. Стараясь двигаться как можно осторожнее, Иган

подтянул левую руку к нагрудному карману, где лежал анестетик. Он чуть повернул голову, чтобы видеть, что делают его пальцы, поскольку они полностью онемели и ни черта не чувствовали. Рукав разодрало в клочья, и в прорехах влажно блестело что-то ярко-красное. То ли пропитавшаяся кровью рубашка, то ли уже содранная до кости плоть. Лучше об этом не думать. Последние остатки сознания и воли, отрешившись от всего прочего, сконцентрировались на выполнении элементарных движений.

С третьей попытки пальцы ухватили флакон и вытащили его наружу. Иган зубами повернул регулятор дозатора до максимума и приложил его к шее. Сейчас будет весело!

С коротким шипением в вены хлынул крутой кипяток. У Игана мелькнула мысль, что, возможно, принцип действия обезболивающего основан на вытеснении одной боли другой, более сильной. Обжигающая волна прокатилась по телу, разбегаясь по жилам до самых кончиков пальцев. Его разум, уединившись в своей спасательной капсуле, окончательно отделился от тела и воспарил к высотам полнейшего безразличия к происходящему.

Иган обессилено уронил руку и наткнулся на что-то тяжелое в кармане куртки. Аварийный передатчик! Ну что ж, теперь уже вряд ли кто будет возражать...

Он вынул ярко-оранжевую коробочку и попытался нажать кнопку включения, но обессиленные пальцы лишь беспомощно скользили по ней. Тогда Иган просто стал бить пере-

датчик кнопкой о ближайший камень до тех пор, пока замигавшая красная лампочка не возвестила о том, что его старания, наконец, увенчались успехом.

Так, теперь попробуем немного осмотреться. Иган попытался перекатиться на спину, но что-то ему мешало. Рюкзак, наверное, – подумал он, но тут же вспомнил, что никакого рюкзака у него с собой не было. Ладно, потом разберемся. Он уперся руками о землю и осторожно сел. При этом он чувствовал, почти слышал, как скребут друг о друга края переломанных ребер, а плохо слушающаяся правая рука намекала на то, что сломана ключица, но все это воспринималось как бы со стороны, как нечто, происходящее не с ним, а с кем-то посторонним.

Кровавая дымка перед глазами немного рассеялась, но вот туман в голове, напротив, с каждой секундой сгущался все сильнее. Как ни крути, он влил в себя аж полфлакона наркотика. Такое даром не проходит.

Иган рассеянно осмотрел свою куртку и озабоченно нахмурился, обнаружив, что она порвана в нескольких местах и вся стала липкой от пропитавшей ее крови.

Пальцы, ощупывавшие повреждения, вдруг на что-то наткнулись. Левая перчатка тут же лопнула, словно распоротая бритвой. По ладони заструился еще один тонкий красный ручеек. Иган осторожно провел рукой по груди. Пальцы сомкнулись вокруг невидимой преграды, какого-то продолговатого предмета, застрявшего чуть ниже ребер. Не об-

ращая внимания на капающую с порезанных ладоней кровь, он ухватился покрепче и дернул.

Крик сам собой вырвался у Игана из груди. То был не крик боли, но крик ужаса. Он заворожено следил за тем, как из его тела с почти слышным скрежетом выходит длинное прозрачное лезвие толщиной с руку, немедленно покрывающееся на воздухе налетом розового инея. Иган перехватил руки и продолжил вытаскивать ледяную занозу. Теперь стало понятно, что мешало ему перевернуться на спину.

С тонким звоном конец лезвия выскользнул из обледеневшей раны. Иган испуганно смотрел на него, не веря своим глазам. Он никогда не придавал большого значения досужим рассказам других охотников, да и сейчас, сжимая в руках исходящий бледными струйками тумана дымчатый клинок, отчаянно *не хотел* им верить! Но доказательство представлялось слишком очевидным. Очередная молния осветила мир мертвенно-белой вспышкой, ярко очертив тонкий, чуть изогнутый контур, в глубине которого извивались причудливо переплетенные прожилки. Миг – и руки Игана снова сжимали ледяную, но осязаемую пустоту. Слишком очевидным...

Он оцепенел. Своим затылком, спиной, да и всем телом Иган вдруг явственно ощутил близкое присутствие чего-то огромного, холодного и... *чуждого*. Точнее, он уже давно это чувствовал, но только теперь, когда багровая пелена боли, заслонявшая собой все на свете, отступила, смог расслышать

истощные вопли собственных рефлексов.

Рано или поздно, но он должен был обернуться.

Уткнув призрачное лезвие в землю, и опираясь на него как на костыль, Иган медленно поднялся на ноги. Ботинки скользили и разъезжались в луже его же собственной крови, неторопливо растаскиваемой в стороны потоками дождевой воды. Его снова начал бить озноб, и не только кровопотеря была тому причиной. Струи густого белого тумана скользили мимо, обтекая каменные глыбы и буквально высасывая последние крохи тепла из всего, чего они касались. Камень, на который облокотился Иган, уже весь покрылся сосульками, тонкая корка льда на глазах расползлась по лужам под ногами. Стужа пробила толстую куртку и ледяными иглами вонзилась в спину. Из перекошенного мукой рта вырвался сдавленный стон.

Никакой анестетик не смог бы заглушить эту жгучую боль, ибо она терзала не плоть, но самую душу, раздирая ее на части, выворачивая наизнанку и заставляя визжать от ужаса и колотиться в приступе истерической паники. Только захлестнувшая мозг наркотическая волна немного притупляла остроту ощущений и удерживала остатки разума на самом краю бездны сумасшествия.

Слезы отчаяния навернулись у Игана на глаза. Не в силах выдерживать более эту пытку, он обернулся.

В первый момент он увидел только обезображенное тело Лемеха, висящее в воздухе в нескольких метрах над землей.

Клубящийся туман обвивал его бледными лентами и неторопливо кружился вокруг. Замерзшие капли крови алыми градинами с негромким стуком сыпались на камни. Трава и листья вокруг почернели и съежились, словно обожженные. Скалы, земля, деревья – все покрывал белый налет инея, будто здесь, на небольшом пятачке, вдруг наступила зима, и ударили трескучие морозы. Иган застыл в недоумении, глядя на эту немую сцену, но тут сверкнула очередная молния...

Зверолов отшатнулся, его глаза широко распахнулись, схваченное спазмом горло издало сдавленный всхлип.

Тело Лемеха с глухим шлепком упало на землю, и воздух задрожал, завибрировал от недовольного ворчания, идущего, казалось, прямо из глубины струящегося тумана. Громко захрустели крошащиеся валуны.

Полыхнул еще один извивающийся разряд, и кошмарное видение буквально обожгло глаза Игана. На один короткий миг озаренный белой вспышкой туман обрел форму, обрел твердость и мощь. Яркий свет пронзил дымку, выхватив из небытия бледные, дымчатые кости, переплетения вен и нервов, просвечивающих сквозь прозрачную плоть, словно на рентгеновском снимке. Исполинская ажурная конструкция напоминала фермы порталного крана, спроектированного инженером-шизофреником. Могучие, чуть согнутые когтистые лапы, венчающие хребет острые шипы, что вздымались выше самых высоких деревьев и сбегали по спине вниз к длинному зазубренному хвосту, огромная, усеянная красны-

ми от крови зубами пасть – весь этот полупрозрачный кошмар олицетворял собой одну-единственную цель: убивать.

Разряд молнии длился доли секунды, но для парализованного ужасом Игана эти мгновения растянулись в целую вечность.

Эрамонт оказался воистину огромен. Он просто подавлял своим... нет, не размером, а *величием*. Он являл собой ярчайший пример того, как запредельный кошмар может вызывать странное, иррациональное восхищение, как завораживает вид жуткой автокатастрофы, взрыва мощной бомбы или извержения вулкана. Он представлял собой квинтэссенцию всего того, что должно было напоминать человеку, сколь он жалок и ничтожен перед лицом абсолютного совершенства, перед лицом *вечности*.

Молния погасла, ударив по ушам трескучим грохотом, и жуткое видение исчезло, вновь обернувшись зыбкими колышущимися полотнищами тумана. Только глухой звериный рык продолжал сотрясать землю под ногами. На глазах у Игана здоровый валун превратился в каменное крошево, и на камнях отпечатались три глубокие борозды, оставленные невидимыми когтями. Приближение Эрамонта отмечала корчащаяся и чернеющая на глазах, будто облитая незримым ядом, трава. Очередная вспышка стремительным наброском очертила надвигающегося на него монстра. Иган невольно попятился, но правая нога нащупала позади лишь пустоту, и из-под ботинка в пропасть посыпались гранитные

крошки. Ледяной клинок выскользнул из его рук и полетел вниз, с тонким хрустальным звоном ударяясь о камни.

Эрамонт взревел так оглушительно, что ближайшие деревья задрожали, рассыпая с ветвей водяные брызги. Могучие лапы ударили по земле, выбрасывая в стороны каменные осколки и пыль. Казалось, что вся туманная стена качнулась вперед, к Зверолову.

И тут он принял решение. Он не поскользнулся, не остушился, нет. Иган, прекрасно осознавая, что он делает, сделал шаг назад.

Разъяренный рев метнулся следом за ним. Грозовой разряд высветил разинутую, усеянную длинными зубами пасть. Белесые когти, сиюсь дотянуться до ускользящей добычи, рассекли воздух перед самым лицом Игана, обдав его порывом ледяного воздуха. Эрамонт взвыл от бессильной злобы, и из глубины ущелья вверх взлетело вибрирующее, мечущееся между каменных стен эхо. Заглушая его, в ушах все громче засвистел ветер, мир неторопливо опрокинулся, и из тумана проступили несущиеся навстречу скалы...

* * *

Поначалу казалось, что все пройдет легко и просто. Иган оставил мотоцикл перед воротами и быстрым шагом зашагал по тенистой аллее. Но по мере того, как он приближался к утопающему в зелени старому особняку, его шаг посте-

ленно замедлялся. Уже совсем неторопливо он поднялся на крыльцо и в задумчивости остановился перед закрытой дубовой дверью.

Зачем он пришел сюда? Ответы на какие вопросы рассчитывает получить? Мимолетный порыв выгнал его из дома, но здесь, у цели своего визита, Иган вдруг осознал, как глупо он выглядит, явившись после перерыва почти в пятнадцать лет. Старый каменный дом, упорно сопротивляющийся неумолимому времени, и окружающий его ухоженный сад неумовимо скрадывали прошедшие годы, создавая обманчивое впечатление, что прошло всего несколько месяцев. А он даже ни разу не позвонил! Но теперь вдруг примчался, чтобы поплакаться о своих душевных терзаниях!? Вряд ли его ожидает радушный прием.

Как бы то ни было, но разворачиваться и уходить уже поздно. Иган нерешительно протянул руку к пуговке звонка, но еще до того, как он успел ее коснуться, шелкнул открывшийся замок, и дверь неторопливо распахнулась в пустой коридор.

– Заходи, – продребезжал искаженный до неузнаваемости голос из динамика, – я у себя.

Иган вздохнул и шагнул в прохладный полумрак.

– Здравствуйте, Учитель! – переступив порог просторного кабинета, он почтительно склонил голову.

Тяжелое кресло у письменного стола развернулось к нему. Игану нестерпимо захотелось отвести взгляд, но он удер-

жался, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Покрытое страшными багровыми шрамами лицо, больше напоминающее намокшую и покоробившуюся маску из папье-маше с потекшими красками, расплылось в жутковатой улыбке.

– Здравствуй, Игги! Здравствуй мой мальчик!

Огюст Венье, старейший из ныне живущих Звероловов, еще при жизни превратился в легенду. Надо сказать, немногие из них доживали до столь преклонных лет, находя свою кончину то в чьих-нибудь когтях, то в ядовитых болотах, а то и еще где. Но не только почтенный возраст являлся источником того безмерного почтения и уважения, с которым относились к нему все звероловы. Богатейший опыт, помноженный на безупречную репутацию – вот что являлось его главным богатством, которым он охотно делился с теми, кто проявлял способность учиться на чужих ошибках. Увы, таковых находилось немного. Вся сумма человеческих знаний – всего лишь досадный балласт для того, кто предпочитает поступать по-своему, а такие всегда в большинстве.

Странно, но, несмотря на внушительный послужной список, Огюст так и не обрел широкой известности за пределами охотничьего сообщества. Он всегда чурался публичности, искренне радуясь, в то же время, успехам своих учеников, имена которых гремели на весь мир.

Смерть отца еще мальчишкой впервые привела Игана на порог этого дома. Он знал, что отца и Венье связывала старая

дружба, и надеялся найти здесь помощь и поддержку. И не ошибся.

Кто знает, смог бы Иган добиться хотя бы десятой доли того, что он сделал за свою жизнь, если бы не помощь и советы Огюста. Скорее всего, он бы просто не успел. Не дожил бы. Учитель уберег его от совершения несметного количества ошибок и глупостей, что вполне могли оборвать как карьеру, так и саму жизнь Игана. Именно он научил его терпению – главной добродетели истинного Зверолова.

К сожалению, наставляя других, Огюст все же не сумел уберечь самого себя. Кислотный плевок Панцирного Кезотавра навсегда покончил с Венье-охотником. Он полностью ослеп и прошел через череду сложных операций, пытаясь восстановить сожженную кислотой кожу. Назвать их результат успешным можно было только с очень большой натяжкой. Многие так и не смогли сжиться с его новым обликом и перестали посещать старый особняк. Те, кто остался, из раза в раз убеждались, что в действительности Огюсту и не требовались глаза, чтобы заглядывать собеседнику в душу и видеть глубинную суть его проблем. Напротив, освободившись от бремени повседневной суеты и, наконец, остановившись, он, казалось, обрел еще большую ясность мысли, второе дыхание чистого разума.

В последний раз Иган навещал старика перед отлетом на Пракус, на то самое злосчастное сафари. Чувствовалось, что Огюста тогда беспокоили неясные подозрения, но он так и

не смог их внятно сформулировать. Охота была спланирована и подготовлена правильно и аккуратно, клиенты подобрались бывалые, напарники опытные. Максимум, что могло случиться – проблемы с законом, но такой исход представлялся столь маловероятным...

Тогда Огюст дал добро, и судьба разлучила их на долгие годы. Иган понимал, что Учитель все это время непрестанно казнил себя за то, что невольно отправил людей на смерть, но поначалу не имел возможности с ним поговорить, а потом, после освобождения, решил, что лучше не беречь старую рану попусту. Так и не позвонил.

Иган чувствовал, как заливаётся краской его лицо. Так неловко он не чувствовал себя уже давно.

– Слушай, если ты собираешься так стоять вечно, то я буду использовать тебя как вешалку для своего халата, – лиловая щель рта скривилась в жуткой ухмылке, – только переместись тогда в угол, ладно?

– Извините, я...

– Не извиняйся, а бери стул и садись! – Огюст махнул рукой, указывая на место рядом с собой, – чаю хочешь?

– Нет, спасибо, – Иган присел на краешек стула, – я недавно позавтракал.

– Как пожелаешь, – Огюст протянул руку и, не глядя, взял со стола свою чашку, – думаю, если я спрошу тебя, как твои дела, мы можем засесть здесь до конца недели, а?

– Ну, времени прошло изрядно...

– Ха! «Изрядно»! – старик сделал шумный глоток, – ладно, неважно. Ты жив, с виду здоров, а это главное. Я незрячий, но не слепой, и в общих чертах представляю, в каких передрыгах ты побывал. Если немного поумерить аппетит, то по большому счету меня интересуют всего две вещи: что случилось с тобой *тогда*, и что привело тебя ко мне *сейчас*. Уважь старого зануду!

– Я даже не знаю, с чего начать...

– Хорошо, я попробую облегчить твою задачу, – Огюст отставил пустую чашку и сложил изуродованные, похожие на обугленные коряги, руки на животе. Немигающий объектив закрепленной на дужке черных очков телекамеры уставился прямо на Игана, – меня ведь тоже пропесочивали по самое не хочу. Чуть ли не в задницу мне свои любопытные носы засовывали. Кто, когда, как, зачем – неоригинально, конечно, зато чрезвычайно усердно. Их неутолимая жажда знаний привела к тому, что, сами того не желая, они ответили почти на все интересовавшие меня вопросы. Мне даже не пришлось задавать их вслух, достаточно было уметь читать между строк, – лиловые губы тронула еще одна еле заметная и тут же погасшая улыбка, – вы призвали Эрамонта. Кому из вас пришла в голову сия *гениальная* идея?

– Сенатору Парчину, – Иган вздохнул, – я говорил ему, что это неудачная мысль, что не стоит устраивать балаган из чужих суеверий, но он меня не послушал. Мы все в тот вечер

были немного навеселе, и все происходящее казалось обычным дурачеством. Тогда я не придавал большого значения его декламированиям, даже сам немного подпевал. Чуть язык не вывихнул от замысловатых песнопений.

– М-да, воистину, сумма человеческих знаний конечна, в то время как дурь – беспредельна! – Огюст досадливо крикнул, – оккультист чертов! И что, он получил в итоге то, чего добивался?

– О, да! Вполне! За левой ногой сенатора оперативникам даже пришлось лезть на дерево.

– Ха! «Сердечный приступ»! Что ж, теперь он должен быть удовлетворен. Я всегда скептически относился к его мистическим теориям, но на сей раз он оказался прав. Пусть немного запоздало, но я снимаю шляпу, – Огюст немного помолчал, – а ты сам Его видел?

У Игана ушло несколько долгих секунд, чтобы собраться с силами для короткого односложного ответа:

– Да, – еле слышно отозвался он.

– Следователи уверяли меня, что у тебя полнейшая амнезия, хоть я им и не поверил. А как оно обстоит на самом деле? Ты помнишь хоть что-то из того, что случилось с тобой там, на Пракусе?

– Помню ли я? Да я мечтаю забыть об этом! – всплеснул руками Иган, – но все бесполезно. Те видения снова и снова возвращаются ко мне во сне и наяву, несмотря на то, что прошло столько лет. Воспоминания о тех жутких мгновени-

ях в мельчайших подробностях навсегда впечатались в мою память, и их уже ничем не вытравить оттуда.

– Что же ты такое там видел, какая боль, какой ужас смогли переплюнуть все то, с чем ты сталкивался раньше?

– Боль? Ужас? – Иган махнул рукой, – да, без них не обошлось, но дело не в этом.

– Так в чем же тогда?

– Там, на краю ущелья, где состоялась наша встреча, со мной что-то произошло, но я не могу это внятно объяснить, не могу описать. Где-то глубоко внутри во мне что-то *изменилось*. Медицинские тесты и анализы ничего не показывают, но я это чувствую. Думаю, прикосновение Эрамонта не только искалечило мое тело, но и отравило каким-то ядом мою душу.

– После того, что случилось с вашей командой, я изучал оставленные Парчиным заметки. В них, в частности, говорится, что Эрамонт – последнее, что видит человек в своей жизни. Любой, кто близко познакомился с его когтями, отправляется напрямик на тот свет. Без вариантов. Поскольку теперь я отношусь к изысканиям покойного сенатора куда серьезней, нежели раньше, то меня интересует вполне естественный вопрос: почему ты остался жив? – Огюст хмыкнул, – тебя он, получается, пощадил. Почему?

– Пощадил? Ха! – Иган невесело рассмеялся, – да он и слова-то такого не знает!

– Почему же он оставил тебя в покое, и каким образом ты

все-таки свалился вниз?

– Я прыгнул сам.

– Вот как!?! – Огюст немного опешил, – но зачем!?!

– Это трудно объяснить в двух словах...

– А мы никуда и не торопимся, – старик пододвинул Игану чашку и чайник, – спешить не надо, надо разобраться.

Иган налил себе чаю, двигаясь нарочито неторопливо, дабы максимально оттянуть продолжение рассказа. Чай был великолепен как всегда, и он, прикрыв глаза, некоторое время наслаждался его ароматом и терпким вкусом.

– Я пытался разобраться в собственных ощущениях на протяжении всех прошедших лет, – Иган с явной неохотой опустил чашку на столик, – предполагал и воздействие лошадиной дозы анестетика, и последствия сотрясения мозга и черт знает что еще. Все без толку, ясности так и не прибавилось.

Иган потер лоб, собираясь с мыслями. Огюст терпеливо ждал продолжения.

– Понимаете, там, на краю обрыва, я в какой-то момент вдруг увидел себя *со стороны*. Я корчился на окровавленных камнях и, одновременно, смотрел сам себе в спину. Между мной и Эрамонтом образовалась незримая мысленная связь, и я смог взглянуть на мир Его глазами.

– Хм, любопытно. И что же ты увидел?

– Я увидел себя таким, какой я есть, – Иган говорил сбивчиво, мучительно подбирая слова, – не то, каким я представ-

ляюсь сам себе, а то, чем я являюсь в действительности. Без прикрас, без шелухи... без любви. Крохотный шевелящийся комочек протоплазмы. Амеба.

Иган понуро уставился в пол, обхватив голову руками.

– Ощущение кошмарное! В той череде образов, что прошла через мой разум, не осталось места ни презрению, ни насмешке – моя ничтожность не заслуживала такой чести. И эта Амеба разумная, каковой в действительности является человек, мнит себя царем природы! Контраст между нашим напыщенным самомнением и реальным положением вещей просто опустошает. Все твое бытие тщетно, все потуги ничемны, впереди нет ни капли надежды, и остались тебе лишь отчаяние... и забвение.

– М-да, картина безрадостная...

– Вы не понимаете! – всплеснул руками Зверолов, – никакими словами не передать глубину той бездны, в которую низвергнулось мое сознание! Все, что я сказал, надо умножить на миллион, а потом еще возвести в квадрат! У меня в тот момент оставалось одно-единственное желание – взорвать свой мозг к чертовой матери, чтобы оборвать эту пытку! А потом...

Молчание было долгим. Старинные часы на полке отбили четверть.

– А потом я увидел, что меня ждет. На какой-то миг я оказался одновременно и жертвой и охотником, и смог в мельчайших подробностях рассмотреть, какая перспектива пере-

до мной открывается, – Иган даже зажмурился, – я бы не умер, превратившись из человека живого в человека мертвого, нет. Я бы просто *исчез*. Я чувствовал, как Эрамонт высасывал и впитывал в себя мою кровь и саму душу, лишая последних остатков сил и рассудка. В итоге он выпил бы ее всю, без остатка. Раскрошил бы ее своими лапами, перемолол бы в пыль жерновами клыков, сожрал бы, уничтожил... – Зверолов перевел дух, – титул «Пожирателя Душ» он не на пустом месте получил. И те страдания, что я испытал там, на краю пропасти, являлись лишь жалкой тенью, нежной прелюдией к тому аду, что меня ожидал.

– Поэтому ты шагнул с обрыва?

– Да, – кивнул Иган, – я решил, что лучше будет *просто умереть*, нежели угодить к нему в объятия.

– Но ты все-таки выжил.

– Нет.

– Э-м-м-м, – старик даже немного растерялся, – как это?

– Я получил травмы, несовместимые с жизнью, уж я-то в таких вещах разбираюсь, – Зверолов рассеянно потер пальцем какое-то пятнышко на столе, – так что нет, я не выжил.

Меня *вернули*.

– Вернули!?! Но кто? И зачем?

– Хотел бы я знать! Неплохо бы еще выяснить, много ли осталось в том... существе, что вернулось, от прежнего меня?

– Прошу прощения? – Огюст озадаченно наклонил голо-

ву.

– Что бы там ни говорили хирурги, но мне кажется, что я тогда вытащил не весь шип Эрамонта, что пронзил мою грудь. Какая-то его частичка, пущенные им корни остались сидеть в моей груди. И как осколок зеркала, угодивший Каю в глаз, эти метастазы точно так же искажают мое мировосприятие и отравляют мне жизнь, – Иган поднял взгляд и посмотрел старику прямо в невидящие глаза, – я уже не тот человек, которого Вы знали прежде. И человек ли я вообще?

– А на мой взгляд ты ничуть не изменился.

– Снаружи – да, но вот внутри... Такое впечатление, что во мне поселился кто-то еще, кто-то чрезвычайно могущественный и жестокий, наблюдающий за окружающим миром из моей головы. Большую часть времени этот чужак никак себя не проявляет и ведет себя тихо, но в действительности он лишь поджидает удобного момента, чтобы сорваться с цепи.

– Хм-м-м.

– Да, я знаю, звучит как бред, – помотал головой Зверолов, – я и сам поначалу полагал, что у меня просто галлюцинации после перенесенных травм, но вот Намайя восприняла произошедшую со мной перемену крайне серьезно.

– Ты встречался с женой после тех событий? – удивился Огюст, – тебя же сразу упекли куда подальше.

– Она приходила ко мне в больницу, – пояснил Иган, – я тогда был больше похож на египетскую мумию – весь в гипсе

и бинтах, в окружении капельниц. Я не мог пошевелить даже пальцем, мне оставалось лишь смотреть и слушать.

– И что же такого она сказала?

– Ничего. Не успела. В первый момент она смотрела на меня с болью и жалостью... не без толики раздражения, разумеется, слишком уж часто ей приходилось навещать меня в схожих обстоятельствах. Но потом она взглянула мне в глаза, и я увидел, как она вздрогнула и побледнела. На ее лице отразился страх, – Иган вздохнул, взял в руки пустую чашку и, повертев ее, поставил обратно на стол, – я так и не сумел выяснить, что именно она увидела, но после того посещения она буквально в один день собрала все вещи, и вместе с Машей уехала из дома. С тех пор я ни ее, ни дочь больше не видел.

– Ты не пытался их отыскать?

– Пробовал, но Намайя очень хорошо замела за собой все следы, – Иган виновато пожал плечами, – кроме того, мне кажется, что человек, не желающий, чтобы его отыскивали, вряд ли обрадуется, если его все же найдут. Так что я и не старался особо.

– Что же могло ее так напугать?

– Она испугалась не *меня*, но того, что увидела *во мне*, – Зверолов рассеянно почесал нос, – а потом я и сам это почувствовал.

– Но может, все-таки...? – Огюст осторожно постучал себя пальцем по виску.

– Вряд ли. Во всяком случае, судебные эксперты никаких отклонений в моей психике не нашли, а со временем начали проявляться и другие последствия, и чем дальше, тем труднее было объяснять их банальным самовнушением.

– Какие еще последствия?

– Во-первых, – Иган начал загибать пальцы на руке, – я удивительно быстро встал на ноги после мясорубки, в которой побывал. Врачи, естественно, объяснили все своим профессионализмом и грамотным лечением, но позже я стал замечать, что любые раны на моем теле заживают теперь в разы быстрее, чем раньше.

– Любопытно.

– Не то слово, – согласился Иган, – несмотря на возраст, я пребываю сейчас в отличной форме, хотя не прилагаю для этого ровным счетом никаких усилий, скорее наоборот. Вчера ко мне заезжал Серго, так он уже совсем старик, в то время, как на моем лице за прошедшие годы не добавилось ни одной новой морщины. А ведь мы с ним почти ровесники! За последние пятнадцать лет я вообще ни капельки не постарел!

– А по-моему это не так уж и плохо!

– Кому как, а мне немного не по себе. Как будто моим телом распоряжается кто-то другой, не спрашивая моего на то согласия, – Иган вздохнул и потер лоб, собираясь с мыслями, – я чувствую, как он постоянно пытается высвободиться, окончательно взять в свои руки бразды правления, оставив

мне роль пассивного зрителя. И самое неприятное приключается, когда ему все-таки удается вырваться...

– Как это выглядит?

– Что-то вроде сильного опьянения. Когда наутро вспоминаешь вчерашний вечер и ужасаешься тому, что творил, хотя накануне все твои действия казались абсолютно нормальными и логичными. Приходится прилагать невероятные усилия, чтобы удержать себя в каких-то разумных рамках, хоть немного успокоиться и загнать джинна обратно. До сих пор мне это удавалось.

– Когда это случилось с тобой в первый раз?

– В тюрьме, – Иган поморщился от неприятных воспоминаний, – я повздорил с парнем из соседней камеры, и в ходе потасовки разбил ему не то нос, не то губу, уже и не помню точно... тогда я впервые обнаружил, что совершенно не переношу запаха крови. В тот раз я оказался просто не готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.